

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Ульяновский государственный педагогический университет имени
И.Н. Ульянова»

Научно-образовательный центр
«Традиционная культура и фольклор
Ульяновского Поволжья им. Д.Н. Садовникова»

М. Г. МАТЛИН

**СМЕХОВЫЕ УСТНЫЕ И ПИСЬМЕННЫЕ ЖАНРЫ
В РУССКОЙ НАРОДНОЙ СВАДЬБЕ
XIX – НАЧАЛА XXI ВВ.**

Ульяновск,
2015

УДК 392. 51
ББК 63.5(2)
С 50

Печатается по решению
редакционно-издательского
Совета ФГБОУ ВПО
«УлГПУ им. И.Н. Ульянова»

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 13-04-00254)

Матлин М. Г.

С 50 Смеховые устные и письменные жанры в русской народной
свадьбе XIX – начала XXI вв. – Ульяновск : Изд-во ФГБОУ
ВПО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 2015.– 76 с.

В монографии рассматриваются некоторые смеховые устные и письменные жанры в русской народной свадьбе XIX – начала XXI вв. Среди устных жанров это, прежде всего, корильные песни и приговоры. Особое внимание уделено образу «дурочки», на примере которой показаны общие принципы создания смехового образа и его семантика в вербальных и акциональных текстах. Среди письменных – тексты, представляющие собой смеховое пародирование некоторых официальных документов.

Предназначено для чтения возрастной категории 18+

ISBN ??????????

УДК 392. 51
ББК 63.5(2)
С 50

© Текст. Матлин М. Г., 2015
© УлГПУ им. И. Н. Ульянова, 2015

Введение

Жанровый состав русской свадебной обрядовой поэзии, как известно, весьма многообразен. Он включает в себя песенные, прозаические, драматургические, а также малые вербальные жанры [Торопова, 1974, с. 155]. Их функционирование в обряде происходило и происходит, как правило, в устной форме. Даже в современной русской свадьбе, сельской и городской, вербальные тексты, которые фиксируются, хранятся в письменном виде и часто вручаются новобрачным в качестве своеобразного свадебного документа, обязательно зачитываются.

Столь же многообразны в ней и смеховые жанры, среди которых основными устными вербальными жанрами являются корильные песни разного типа, охватывавшие практически всех участников свадьбы, приговоры дружки, припевки, сопровождавшие отведение молодоженов на брачную постель, частушки и песни смехоэротического содержания, исполнявшиеся на второй или третий день свадьбы, некоторые малые вербальные формы. Большую роль в формировании смеховой стихии свадьбы играли произведения других фольклорных жанров – сказки, драматические сценки, построенные на диалогах персонажей, анекдоты и проч., исполнявшиеся на свадьбах.

Разнообразны и многообразны и письменные тексты на свадьбах XIX – начала XX вв. и второй половины XX – начала XXI вв., о чем будет сказано подробно ниже.

Рассмотрим сначала некоторые особенности устных смеховых вербальных свадебных жанров.

Устные смеховые свадебные тексты

Наиболее полно смеховое начало воплощают, как известно, два жанра – корильные песни и приговоры дружки. Именно им посвящено наибольшее количество научных работ, в этих жанрах фольклористы видят наиболее яркое и специфическое воплощение ритуального смеха в свадебном обряде.

Корильные песни

Не рассматривая все аспекты жанровой специфики корильных песен, их обрядовой прагматики, чему посвящено немало работ [Шевченко, 2010; Пирожкова, 1972; Элиаш, 1957, с. 21-38; Аникин, 1970; Колпакова, 1973; Круглов, 1978], остановимся более подробно на смеховом мире, создаваемом ими.

Одной из первых работ, раскрывающей жанровую специфику корильных песен была статья Н.М. Элиаш «Свадебные величальные и корильные песни» [Элиаш, 1957, с. 21-38]. В ней она отмечает, что корильные песни «насыщены юмором», в «некоторых встречаются образы, характерные для фольклорных произведений типа “небывальщин”». Прагматика корильных, по мнению Н.М. Элиаш, – «веселить, развлекать свадебников, выпросить у них побольше “даров”» [Элиаш, 1957, с. 34]. Ею же было высказано предположение, что данный жанр в свадебной поэзии, как и шуточные приговоры дружки, мог возникнуть «на основе шуточных песен, сказов скоморохов, которые были главными организаторами свадебного обряда в Древней Руси» [Элиаш, 1957, с. 37].

Расширил результаты анализа Н.М. Элиаш и более глубоко рассмотрел жанровую специфику корильных песен Ю.Г. Круглов [Круглов, 1978].

В главе «Корильные песни» своей книги «Русские свадебные песни» он, во-первых, развивает мнение В.П. Аникина о магическом

«происхождение корильных песен» и связывает это с одной из главных особенностей ее бытования – обращение только к представителям рода жениха и, соответственно, исполнения ее лишь в доме невесты, ибо только там «члены свадебного поезда жениха были чужаками» [Круглов, 1978, с. 54]. Во-вторых, в дальнейшем, как считал Ю.Г. Круглов, исполнение корильных песен потеряло магический характер. Поэтому причиной исполнения корильной на свадьбе стала уже собственно обрядовая ситуация: корильную пели тогда, когда «величаемый оказывался скуп или по какой-нибудь другой причине не награждал певиц» [Круглов, 1978, с. 55].

В-третьих, он убедительно показал, что смеховой образ человека в корильных песнях создавался на основе гротеска, так что в итоге возникал своеобразный «антигерой» [Круглов, 1978, с. 56]. Основным средством создания такого образа, по мнению ученого, был портрет. «Корильные песни, “ругая” человека, создавали прежде всего его портрет. Поэтому описательность, как и в величальных песнях, является их главной композиционной особенностью» [Круглов, 1978, с. 63]. Всего он выделил четыре способа описания персонажей: «способ прямого описания»; «изображение участника свадьбы при помощи описания его поступков»; «изображение персонажа через описание тех событий, в которых он или участвует, или может принять участие»; «сами поющие накликают на голову того человека, которому поется песня, разные беды, невзгоды» [Круглов, 1978, с. 65]. Соответственно, в каждой отдельной корильной песне мы можем найти «или один, или два, или три, а то и все четыре способа описания» [Круглов, 1978, с. 66].

Отметим также, что основными смеховыми гротескными образами корильных песен Ю.Г. Круглов считал портреты «нищих, воров, обжор, пьяниц, дураков» [Круглов, 1978, с. 57].

Принципиально новым шагом в изучении свадебных корильных песен стала диссертация Е.А. Шевченко «Свадебный обряд Лузского района Кировской области: (функциональные аспекты поэтических

жанров)», защищенная в 2001 г. и изданная позднее в виде монографии под тем же названием.

Е.А. Шевченко не только ввела в научный оборот новый и интересный материал, собранный в архивах, во время полевых исследований, по старым публикациям, но и пересмотрела некоторые ставшими уже привычными положения относительно корильных песен, а также обозначила и новые аспекты этого жанра.

Так своеобразие жанра она рассматривает, исходя не из поэтики, а из его функции, каковой является *корение* (хуления, хаяния). Под этим термином она предлагает понимать «не родовое и жанровое определение музыкально-поэтического текста, а его функциональную разновидность <...>» [Шевченко, 2010, с.172].

Анализ большого массива корильных песен позволил ей аргументированно опровергнуть одно из положений, выдвинутых в свое время Ю.Г. Кругловым: в корильных и величают и хулят как своих, так и чужих. «Вопреки имеющемуся мнению, основывающемуся на выводах Ю.Г.Круглова, о том, что в свадебном обряде реализуется схема “корить чужих, величать своих”, лужский материал показывает, что в доме невесты и корят и величают сторону жениха, а в доме жениха — сторону невесты. Своеобразие лужских корений еще и в том, что корение, как правило, предшествует величанию, а не следует за ним как наказание за скупость» [Шевченко, 2010, с. 208].

Другое очень важное открытие, сделанное исследователем, состоит в том, что корение не является прерогативой только корильных песен. Как отмечает Е.А. Шевченко, «функцию корения выполняет не только собственно корильная песня, но и причитание», а также «“формулы-вставки”, которые можно рассматривать как переходные от текстов серьезно-магических (причетных) к насмешливо-сатирическим», кроме того в некоторых свадебных припевках обязательным «сюжетно-композиционным элементом были “фрагменты”-корения» [Шевченко, 2010, с. 175-176].

Выполнение свадебной лирической песней новой функции – корения – вместе с собственно корильной исследователь объясняет «нахождением их в одной обрядовой временной плоскости, которая, в свою очередь, связана с комплексом архаических представлений о “пути” невесты» [Шевченко, 2010, с. 208]. Такое явление вполне типично для народных песен, которые, как в свое время писал П.Г. Богатырев, обладают пучком функций и поэтому могут менять свою жанровую природу в зависимости от реализуемой в том или ином контексте функции [Богатырев, 1973, с. 200-211].

Особо хотелось бы выделить обнаруженное Е.А. Шевченко «широкое бытование на Лузе корильных песен невесте» [Шевченко, 2010, с. 198]. При этом в ее смеховом образе, который создавался, важнейшую роль играл мотив неспособности «выполнять работы по хозяйству» [Шевченко, 2010, с. 202].

Так в одной из песен она изображается даже не способной принести воды.

«Она воду-то носить не умеет,
Она ведра-то держать не может.
Пойдёт закачается,
Ведро заболтаются,
Вода из вёдер заплещется
Сама вся уплещется (обольётся).
Тебе ведер не закупиться,
Коромысел не наладиться» [Шевченко, 2010, с. 202].

Параллель к такому изображению невесты исследователь находит в одной из лирических песен в собрании А.И. Соболевского, в которой дается сатирический портрет жены.

«Как у старосты Ивана ворота дощаты,
Дворик мощный, горенка новая,
Жена молодая, а очень не красива.
За водой пойдёт – обольётся;

За соломой пойдёт – волокётся;
За огнём пойдёт – обожжется;
За дровами пойдёт – уьётся;
За хлебом пойдёт – обожрётся» [Великорусские народные песни, 1897, с. 353-354].

Большое внимание корильным песням, анализируя место и роль скоморохов в формировании и развитии смеховых жанров и форм в русской традиционной культуре, уделила З.И. Власова [Власова, 2001].

В своем исследовании она рассмотрела корильные в широком фольклорном контексте: в сопоставлении с календарной обрядовой поэзией, скоморошинами, сказками о дураках, небылицами и др. Такой подход позволил З.И. Власовой убедительно показать, что данный жанр свадебной лирики – один из элементов сложного и целостного мира народной смеховой культуры, так что изучение его генезиса, семантики, структуры вне этого мира невозможен. Конечно, такое единство данного смехового универсума в народной культуре она связывает преимущественно с особым социально-культурным явлением русской жизни – скоморохами. Можно по-разному относиться к этой концепции исследователя, но количество собранных ею фактов, скрупулезный и критический учет предшествующих исследований делает ее монографию очень важной в изучении смехового мира русской народной свадьбы.

Так, в частности, она приводит примеры, доказывающие, что корение – это не только свадебное обрядовое действие, но как один из видов смехового пересозидания действительности оно присуще календарной обрядности, сказкам, скоморошинам и др.

В качестве примера З.И. Власова приводит, в частности, фрагмент из публикации Н.А. Иваницкого, в которой корение специальной песней совершалось на святки.

«В святочной игровой песне, исполняемой хором парней и девушек в виде диалога, девушки хулили выбранную парнями:

Не ткаха была,

Не шёлковница.
Испечет – сожгет,
Сварит – прольет,
Принесет на стол –
Не поклонится,
Не поклонится, отворотится.
Не по воду хожайка,
Не щей варея,
Не хлеба печея.
Не поклонится,
Отворотится.
Парни возражают хором:
Мы станем учить – переучивать,
Мы станем качать, перкачивать.
У нас будет пряха, у нас будет ткаха,
Шелковница, полушелковница,
По воду хожайка, щей варея,
Щей варея, хлеба печея,
Испечет – не сожгет, сварит – не прольет.
На стол принесет – поклонится,
Поклонится, не отворотится» [Власова, 2001, с. 115].

Создаваемый в этой святочной игровой песне образ женщины-неумехи близок к корильным песням невесты, о которых писала Е.А. Шевченко.

Отмечает З.И. Власова и связь образного мира корильной песни тысяцкому со скоморошиной «о дураке на печи, который принял ступу за кудрявое дерево, а лохань за синее море:

Поехал Иван воевати
По чисту полю, по подполью,
Разбил горшки да корчаги,
Иступил булатный меч о черепья,

Натянул у туга лука шелкову тетиву

И пустил калену стрелу в кучу назьму» [Власова, 2001, с. 122].

Соглашаясь с мнением Н.В. Соболевой [Соболева, 1984, с. 81] о схождениях корильных песен с сатирическими песнями, сказками и с некоторыми новогодними колядками, в которых присутствует «мотив поездки на животных или птице», она приводит в качестве примера фрагмент корильной песни, записанной в Торопецком уезде Тверской губернии

«Кони позанузданы, поросята позапряжены,

Черный кот под ковром стоит,

Одна курица в простых бежит»

и описание того, как «герой сказки поехал на серой собачке жениться; у него

Индюк и петух подзапряженные,

Поросята, ягнята позанузданные,

Кошки в пристяжках подрагивают,

Дурачка в тележке потряхивают» [Власова, 2001, с. 120-121].

Другой исследователь, Г.И. Власова, разделяя основные положения Е.А. Шевченко, З.И. Власовой, полагает возможным несколько расширить круг свадебных корильных песен за счет т.н. «корильно-величальных», для которых характерна двунаправленность «на “них” и “на себя”» и двучастность: «поругания “чужих” и похвальбы в свой адрес». «*Ваши жених – пень горелый, / Наша невеста – как сыр белый. / Наша невеста как пасленка, / А жених – как заслонка*» [Власова, 2004], а также за счет таких словесно-музыкальных форм, как песенные поединки двух брачующихся сторон. «Многие корильные песни представляют собой словесные поединки между дружками и боярами, структура подобных текстов выстроена по оппозиции поругания / похвальбы: «*Шо то за вороны стоят у порога? / Руки расставили, роты раззявили. / – А мы не вороны, мы ясны соколы. / Расступитесь, совы, хай сядут соколы*» [Власова, 2004].

Еще один жанр свадебной смеховой поэзии выделила и описала в своей диссертации Н.В. Дранникова. Это «прозвищные песни», использование которых в свадебном обряде, как показала она, «носило универсальный характер» [Дранникова, 2005, с. 112]. Важно также и то, что они были широко распространены в других сферах традиционной культуры: «на вечерянках», «игрищах/*мечищах* (на Пинеге), *бесёдах* (Летний берег Белого моря, Каргополье). Ими встречали друг друга парни и девушки из различных деревень на съезжих праздниках (*когда ходили к кругу*) и посиделках. Некоторые из песен исполнялись во время игр (*когда ходили уточкой*) или танцев (*под кадрили, под ланце* (лансье – Н. Д.), *во время ланца*). Н.П. Колпакова отмечала, что они «пелись за праздничным столом, на гуляньях, на беседах и носили наименование “весёлых” и “песенок на смех”» [Дранникова, 2005, с. 112-113].

Весьма ценным представляется общий вывод исследователя о том, что в народной культуре существует «единый прозвищный дискурс, содержащий типовые коммуникативно-когнитивные ситуации и обладающий функционально-стилевой общностью», который включает в себя «различные прозвищные жанры», в том числе и «корильные песни о разных по наименованиям деревнях» [Дранникова, 2005, с. 236, 238].

Таким образом, как показывает наш обзор, в изучении корильных песен наиболее продуктивным оказался такой подход, при котором они рассматриваются в широком контексте как собственно свадебной поэзии, так и, особенно, в единстве с другими смеховыми жанрами русского фольклора. Это дает возможность увидеть общие, в какой-то степени универсальные типы, некоторые принципы их создания, которые присущи целостному и разнообразному народному смеховому миру.

Такой подход определяет необходимость именно так рассматривать и другой важнейший смеховой жанр свадебной лирики – приговоры дружки.

Приговоры дружки

Исследованию этого жанра также посвящено много статей [Зеленин, 1904; Мореева, 1927, с. 112-129; Бломквист, 1927, с. 103-111; Торопова, 1973, с. 85-98; Круглов, 1983, с. 3-19; Круглов, 1984, с. 74-95; Поздеев, 1984, с. 60-74; Поздеев, 1986, с.15-24; Гуржий, 1999, с. 26-33], рассматривается он в нескольких диссертациях [Торопова, 1975.; Поздеев, 1987; Федорова, 1994; Крашенинникова, 2003] и монографиях [Власова, 2001; Свадебные приговоры ..., 2009].

Аспекты анализа, как и в случае с корильными песнями, также многообразны.

Как известно, первым обратился к анализу свадебных приговоров дружки Д.К. Зеленин. В своей статье «Свадебные приговоры Вятской губернии» [Зеленин, 1904] он показал, что своеобразие приговоров определяется типом дружки, точнее говоря, той функцией, которую он реализует в обряде, и в итоге он считает возможным выделить три типа – «дружка – представитель жениха», «дружка – церемониймейстер» и «дружка – знахарь, ведун» [Зеленин, 1904, с. 4-5]. Однако разделение этих между разными типами дружек, как считал Д.К. Зеленин, есть результат «позднейшего расчленения и разложения», ибо «между различными функциями дружки существует теснейшая связь, и они легко объединяются в одном лице» [[Зеленин, 1904, с. 5]. Особо он останавливается на еще одной роли дружки – роли «шута, скомороха». Ученый полагает, что она появилась в результате превращения некогда реальной враждебности двух брачующихся родов в игровое обрядовое действие. В результате «сатира получила новый смысл – посмешить присутствующих». Эта новая функция свадебных приговоров способствовала дальнейшему развитию в них смехового начала, которое определялось уже не столько традицией, сколько индивидуальными способностями дружек к смеховой импровизации. В итоге, «ради шутки и потехи, дружка стал острить и подтрунивать в своих приговорах и над самим собою, и даже над своим “князем”» [Зеленин, 1904, с. 9].

Следующей важнейшей работой в изучении своеобразия интересующего нас жанра стала статья А.К. Моревой «Традиционные формулы в приговорах свадебных дружек» [Морева, 1927, с. 112-129]. В ней она в отличие от Д.К. Зеленина говорит только о двух типах дружки: «с одной стороны он почитаемый руководитель торжественных моментов обряда, с другой – веселый шутник-балагур» [Морева, 1927, с. 113]. На этой основе ею выделяются две разновидности приговоров – повествовательные, или эпические, и балагурно-шутовские. Последние определяются как тяготеющие «к прибауткам скоморошских старин» [Морева, 1927, с. 114]. Но при этом важно учитывать, что такое разграничение условно, и «один и тот же дружка, то острит и веселит публику, то ведет торжественно чинную речь» [Морева, 1927, с. 115]. Тем не менее среди приговоров есть существенные различия. Так, эпические тематически и стилистически, как показал анализ, проведенный А.К. Моревой, имеют много общего с волшебными сказками и былинами. Балагурно-шутовские же, соответственно, связаны «с “прибаутками” скоморошских, сказочных старин» [Морева, 1927, с. 126]. Можно также заметить, что именно шутливо-балагурные приговоры включают в себя смеховые характеристики окружающих, которые порою развертываются в небольшие портреты свадебных чинов и гостей. Есть в приговорах этой разновидности и элементы смехового самоописания, на которые указывал еще Д.К. Зеленин.

Особое место в исследованиях и публикациях приговоров занимает статья Е.Э. Бломквист «Свадебные указы Ростовского уезда: (К вопросу об отражении сюжетов лубочных картинок в современном крестьянском быту)» [Бломквист, 1927, с. 103-111]. Дело в том, что свадебные указы, которая она анализирует в статье, во-первых, функционировали уже не только в устном, но и в письменном виде. Они хранились «у кого-нибудь в деревне в рукописном списке» и зачитывались на свадьбе накануне венчания, когда жених приезжал к невесте «побывать» [Бломквист, 1927, с. 103-104]. Во-вторых, они зачитывались не дружкой, а девушкой,

который иногда как бы «подпевал» «хор девиц, подтверждающий читаемое указчиком» [Бломквист , 1927, с. 103]. И, в-третьих, как полагает Е.Э. Бломквист, они представляют собой «любопытную комбинацию приговоров дружек и шуточных росписей приданого, <...> в основе своей восходящую к русскому народному лубку, в свою очередь представляющему пародию на рядные записи городских сословий XVII и XVIII вв.» [Бломквист , 1927, с. 108]. Из приведенных автором примеров указов видно, что их основой, ядром являются развернутые смеховые характеристики свадебных персонажей, в том числе и невесты. «Наша новображная работать горазда, люди жать, а она за межу сядет с...., люди молотить, а она ногами об ж... колотить, как ж... повйрнят, так и ворох кверху вздйрнет (правда?). У нашей новображной характер мамкин, а у мамки очень скверный: как праздник, так мужа дразнит, залезет на потолок и кажет свой хохолок (правда?)» [Бломквист , 1927, с. 110-111].

Встречается в некоторых указах смеховая характеристика чтеца, и, хотя читает указ девушка, в этом смеховом автопортрете мы видим мужчину, что еще более усиливало смеховой эффект происходящего. «Теперь расскажу про себя: я был женат три раза: первая жена Варвара выше амбара, молилась, да и переломилась, я лыком сшил и три года жил. Вторая жена Ненила долго белья не мыла, много вшей накопила и такие вши, хоть бы избы мши <...>» [Бломквист , 1927, с. 109].

Свадебные приговоры как жанр рассмотрел в своей статье Ю.Г. Круглов [Круглов 1984, с. 74-95]. Как и другие фольклористы в определении этого жанра, он исходит из функций, которые он выполняет в обряде. Таковых, как считает Ю.Г. Круглов, три: ритуальная, магическая и эстетическая. Это позволило ему откорректировать суждение предыдущих исследователей о комментирующей роли приговоров: они не комментировали ритуал, а «были необходимой, действенной частью обряда; они формировали обрядовые действия, организовывали ритуал свадьбы» [Круглов 1984, с. 75].

Именно в этой статье впервые отмечается, что жанр приговора

был присущ не только дружке, их могли произносить другие участники свадьбы [Круглов 1984, с. 76-77]. Смеховое начало в приговорах дружки, по его мнению, особенно ярко проявлялось во «второй части свадьбы», составляя один из типов «описания обрядовой действительности» [Круглов 1984, с. 80].

Такой подход определил несогласие Ю.Г. Круглова с типологией, предложенной А.К. Моревой, и утверждать, что «свадебные приговоры – особый жанр фольклора, и его необходимо рассматривать только как целое, внутри которого в зависимости от магической, ритуальной и эстетической функций, органически сплетаются <...> несколько типов описания» [Круглов 1984, с. 80-81].

Отмечает исследователь и то, что среди образов, которые создает дружка в своих приговорах, самой колоритной фигурой является он сам. Создавая такой образ, он использует элементы других фольклорных жанров свадебного и несвадебного фольклора: заговоры, заклинательные песни, причитания, величальные, корильные, ритуальные; «большое сходство у приговоров с ярмарочным фольклором», «нередко приговоры даже “цитируют” другие жанры, например, сказки» [Круглов 1984, с. 92].

Приговорам большое внимание уделил в ряде своих статей В.А. Поздеев. Так в статье «Приговоры дружки в структуре севернорусского свадебного обряда» он подходит к анализу жанра приговора с точки зрения его генезиса и доказывает, что он – позднее явление, образованное «нетрансформационным способом» [Поздеев, 1984, с. 66]. Такой подход позволил ему несколько иначе, чем предшественники, обозначить типологию жанра – выделить всего две группы: магическую и балагурно-шутковскую, и определить своеобразие поэтики каждой из них. Так, например, наличие императивных формул, элементов распоряжений он связывает с древнейшей функцией дружки – церемониймейстера-распорядителя, а обращения к родителям, святым-покровителям свадьбы с магической функцией дружки-колдуна. Смеховое начало, по мнению

В.А. Поздеева, легло в основу «группы балагурно-шутовских приговоров» [Поздеев, 1984, с. 70]. Наличие в русском песенном эпосе смеховых произведений, в частности, скоморошин, с точки зрения исследователя, позволяет объединить эпические и балагурно-шутовские приговоры, по терминологии А.К. Моревой, в одну внутрижанровую группу.

Отметил В.А. Поздеев, что смеховой мир в приговорах создавался «в русле древнерусской и средневековой смеховой культуры», что значительную роль в них играет ритм и рифма, делая их близкими раёшному стиху [Поздеев, 1984, с. 72]. Интересным является его замечание, что в таких приговорах дружка как бы «“валяет дурака”, изображает всякие нелепости», тогда как на самом деле «он только изображает себя “дураком”» [Поздеев, 1984, с. 72].

В другой своей статье, посвященной реально-историческим корням «свадебных указов», которые впервые описала Е.Э. Бломквист, В.А. Поздеев убедительно доказывает, что они вписываются в общую тенденцию пародирования официальных документов, характерную для русской демократической культуры XVII в. Это делает «свадебный указ», который исследователь определил как внутрижанровую группу приговоров дружки, «сложной комбинацией пародийной стилизации настоящих деловых документов древней и средневековой Руси», а также пародийным переосмыслением некоторых «фольклорных жанров» [Поздеев, 1986, с. 23].

Небольшая статья Т.Ю. Федоровой «Комическое и средства его выражения в свадебных приговорах» посвящена лишь одному из аспектов смеховых приговоров – «созданию комического эффекта» [Федорова, 1992, с. 110]. Автор совершенно справедливо отмечает, что объектом комического изображения в свадебных приговорах является человек: его внешний вид, моральные и нравственные качества, действия и поступки, а также его жилище и домашние животные» [Федорова, 1992, с. 110]. А первым комическим персонажем свадебных приговоров является сам дружка, создающий такой автопортрет, в котором «представлены все оттенки юмора» [Федорова, 1992, с. 110].

Важным этапом в изучении жанра свадебных приговоров стала монография З.И. Власовой «Скоморохи и фольклор». В ней она подробно рассматривает проявление скоморошьяго начала в свадебных приговорах, обращаясь как к уже известному фольклорному материалу, так и вводя новый. Это начало она видит в использовании дружкой элементов скоморошьяих небылиц. «На вопрос: «Все ли здоровы?» дружка отвечает:

Все здоровы, быки и коровы,

И телята гладки, привязаны хвостами за грядки, И овцы пестры, как быки, толсты, Два мерина стельны и бык дойной (НС. С. 80)» [Власова, 2001, с. 106]. Подобные элементы, как считает З.И. Власова, можно обнаружить в приговорах, записанных в Архангельской, Вологодской, Вятской и Пермской губерниях» [Власова, 2001, с. 95]. Черты скоморошьяго стиля можно видеть, как полагает З.И. Власова, в сказочных присказках, которыми иногда заканчивали приговор дружки. «Вот и сказка вся – говорить нельзя. Рюмочку вина дали б – еще сказал б!» [Власова, 2001, с. 95-96].

Просматриваются они и в некоторых нетрадиционных формулах в приговорах дружки, которые типологически схожи с устойчивыми речевыми высказываниями народного театра. «Возникали в приговорах и нетрадиционные формулы. Грязовецкий дружка так выпрашивал угощение: И пожалуйста мне стакан водки – Почту вас вместо своей тётки; Пожалуйста стакан пива – Я скажу вам большие два дива, Пожалуйста стакан квасу – Почту вместо барахту-атласу» [Власова, 2001, с. 110].

Как и другие исследователи, она также обращает внимание на создание дружками собственного смехового образа в приговорах, полагая, что и в этом можно видеть результат воздействия скоморохов на свадебную традицию. «Одной из традиций свадебного скоморошества можно считать прием профессиональной самонасмешки, саморазоблачения и самокритики для увеселения гостей. Самовысмеивание и самоирония были характерны и для скоморохов, и для профессиональных шутов. Они

прослеживаются в приговорах дружек Пермского и Вятского Прикамья. Вятский дружка, подчеркивая свою бывалость, шутливо намекает и на бедность: «Был я в Рязани, был и в Казани, был в Париже, был и ближе... Есть на мне мундир — 77 дыр, 52 заплатки — с меня и взятки гладки» (Аргентов. 2. С. 101-104)» [Власова, 2001, с. 89].

Обращает внимание З.И. Власова и на то, что на свадьбе звучали такие приговоры, которые представляли собой своеобразные вставные эпизоды в приговорах дружки. «Так, в костромском приговоре среди традиционных формул вдруг возникает целый монолог: «Здравствуйте, великадные господа! Али вы не знаете меня? Русским ли вы меня называете или немецким поздравляете? Взял, было, я заповедь у духовного отца — не пить винца! Увидел винцо — задрожал, заповеди не сдержал, с постели вскочил... Ахти, согрешил! Житьё мое — житьё бедное: жил я век не как хороший человек. Много напирал скуды и беды. Теперь не знаю от скуды-беды деваться куды. Разве глаза завязать да в лес убежать? И тут не место: охотники найдут, заместо зверя убьют, кожу мою сдерут, а кости на убогий дом снесут. Богатые люди пиво да вино пьют, а меня, бедного, только по шее бьют: “Полно тебе, полорот, стоять у чужих ворот, разиня рот! А меня, доброго молодца, горе берет”» [Власова, 2001, с. 105].

Важным является также ее утверждение о том, что «с приговорами на свадьбе выступает не только дружка, но и сват, ведущий диалог с жениховым дружкой у запертых ворот, и девушки-«боярки», подруги невесты, и стряпуха» [Власова, 2001, с. 83].

Таковым был например приговор, произносимый одним из родственников невесты, привезших ее приданое. «<...> приговор на приезд с приданым,<...> произносил главный «коробейщик», обращаясь к отцу невесты: «Гости и гостейки, [сидящие] из кута по лавке, вдоль по скамейке! Приказали нам кланяться вам!

Ехали мы лесам, стоит мужик с мясам,

Ехали мы мимо куста, стоит мужик с суслом —

И те приказали Вашей милости кланяться.
Ехали мы мимо овина — стоят две долгие Орины —
И те приказали вам кланяться.
Ехали мы мимо омета — стоят тут два Федота,
Ехали мы мимо забора — стоят два Егора —
И те приказали Вашей милости кланяться»
[Власова, 2001, с. 111].

Или небольшой монолог, в который разворачивалась ответная реплика девушек в диалоге с дружкой. «Своеобразны прения дружки с подругами невесты, занявшими места за столом. На вопрос об именах говорят: “Мы не помним, как родились, где крестились; давал нам имя поп Вавило, оно за ним по воде уплыло” и предлагают: “Поди-ка ты в чисто поле, там стоит в овраге избушка, стены вичны, печки кирпичны. Там сидит кот с хвостом, ты отдай ему поклон”» [Власова, 2001, с. 110-111].

К таковым также относятся «свадебные указы», которые зачитывались не дружкой, а девушкой – подружкой невесты. Рассматривая этот необычный жанр, З.И. Власова, в отличие от других исследователей, полагает, что не лубок повлиял на возникновение «указов», а напротив, «составители лубочных сюжетов опирались, видимо, на устные их тексты» [Власова, 2001, с. 98].

Эта традиция представлена монологами, звучавшими в таких вставных свадебных сценках, как «выход с крюком», «требование дать на мяч».

«“Выход” представлял собой своеобразный вставной эпизод, утративший прикрепленность к определенному месту в обряде» [Власова, 2001, с. 99]. И происходил следующим образом. «После венца молодые и гости ехали в дом жениха, куда на свадебный пир непременно приходил старик с крюком (кочергой) и говорил:

«Скок через порог, едва х.. переволок. Стук-юк, позвольте крюк. Позволили крюк, позвольте сказку сказать. Позвольте голос смазать,

рюмочка винца да стаканчик пивца, тогда я буду говорить от сердца. Буду говорить и поговаривать, прошу меня не перебивать. Кто будет перебивать, тому пропашу кобылу е.... Кобыла да корова, баба не здорова. Ехали бояре темными лесами, напали на куньи следы. Приехали они к боярскому дому, к молодому князю. Ты, молодой князь, свою молодую жену береги, на улицу не спускай: у нас ребята бравы, у них х.. упрямы, где сгребут, тут и е....

А вы, молодцы, ходите, своими х.... углов не подпирайте. А вы, девицы, пирожны мастерицы, сметанны пакостницы, клетны выгрузки! Вам кросна наводить да ребят приманивать. А вы, вдовушки, вдовеите, п... ребятам не жалеите. А тебе, стряпуха, горшок да полотуха. Стряпка стряпала блины с заплатками, пироги с надставками: снизу подгорело, по краям заплело, в середке тесто, тут тебе, е.... мать, и место» [Русский эротический фольклор, 1995, с. 165].

Обряд с «мячом» «состоял в том, что перед увозом невесты из родительского дома приходил специальный человек или кто-то из невестиних родственников и произносил особый приговор, прося денег «на мяч, на рогозу, на мяч, на шерсть» [Власова, 2001, с. 108]. Один из примеров такого приговора приводит в своей работе З.И. Власова. «Нас на работу выходило сто братьев с братом. Есть еще у нас в полку шесть баб голож...х. Они не смеют к вам на свадьбу придти. А мы по свадьбам гуляем, денежки собираем», – поясняет приговорщик и заканчивает традиционно: “Пожалуйте нам за работу на мяч, на рогозку, на мяч, на шерсть рубликов шесть; с нового свата – два рубля на брата, а для всей родни серебром рубли» [Власова, 2001, с. 109].

Как убедительно показала З.И. Власова, «традиция чтения целого монолога на свадебном пире в разные его моменты, своеобразного декламационного чтения на публику существовала в разных местностях по разным поводам, но всюду сохранились воспоминания о приглашении для произнесения «указа» или «приговора» посторонних людей» [Власова, 2001, с. 106].

Одной из последних работ, посвященных приговорам, стала диссертация Ю.А. Крашенинниковой «Свадебные приговоры дружки: Структурно-семантический, функциональный аспекты жанра» [Крашенинникова, 2003], частично изданная позднее автором в виде книги «Свадебные приговоры Вилегодского района Архангельской области в рукописной и устной традиции: (исследования и тексты)» [Свадебные приговоры ...,2009].

В своем исследовании она подробно и всесторонне рассмотрела своеобразие поэтики приговоров и особенности их бытования на небольшой территории Русского севера. Однако такое ограничение исследования позволило ей с невиданной ранее тщательностью и подробностью изучить специфические особенности отдельных приговоров, приговорных формул, выявив в результате отнюдь не локальные или региональные особенности. Так, например, в результате анализа соотношения «мужской» и «женской» линий в приговорах дружки она показала, как создается в них смеховой образ невесты и жениха и чем они отличаются. Так, в частности, смеховой образ невесты «строится на “скрытой” антитезе, через “восхваление” девушки: невеста представлена “умелицей”, “опытной”, “знающей сластолюбией, приглашающей к себе каждого встречного-поперечного”. Негативное отношение к невесте переносится на весь ее род (“недобрых родов-то была”). Завершает первую картину лаконичная оценочная фраза “но ведь это не зарок”, посредством которой отрицательное отношение к невесте “снимается”» [Крашенинникова, 2003, с. 181-182]. А смеховой образ жениха создается за счет подчеркивания его «гиперсексуальной силы», в приговоре он предстает «обладателем гиперболизированного “мужского достоинства” (фаллос жениха несут на плече несколько человек)» [Крашенинникова, 2003, с. 182]. Такое смеховое решение образов главных свадебных персонажей, с точки зрения Ю.А. Крашенинниковой, объясняется «их особым статусом», соответствует «их реальному переходу в статус рождающих», с чем вполне можно согласиться [Крашенинникова, 2003, с. 184].

Приводится ею также весьма редкий текст («байка про табачок»), который не связан непосредственно со свадьбой и мог исполняться не только мужчиной, не обязательно дружкой, но и женщиной [Крашенинникова, 2003, с. 184].

«[Простачок] закуривал табачок, Богу травку-христовку в корешок. Бога вспоминал, Христа величал, богату богатину проклинал. Богату богатину с чаем и медом, и мать ее е..л. Богатый удивляется, откуда бедняк деньгами отживается. Не мою ли он дочку е...т, не она ли ему на табак денег дает? Табак хин, табак корень, табак ни в п...у не годен. Слушайте, послушайте, молодых баб на улицы не отпускайте. Вы будете отпускать, мы будем подчищать»» [Крашенинникова, 2003, с. 184].

Завершая рассмотрение свадебных приговоров, приведу еще один пример, который расширяет наше знание об их функционировании на свадьбе и прямо указывает на связь с традициями народного театра.

Он был опубликован симбирским краеведом-любителем В.П. Юрловым [Юрлов, 1867, с. 98-101]. В публикации два текста, первый из которых – сценка фольклорного театра, вторая – соединенные в один текст два приговора дружки: описание невесты и обращение к стряпухе с просьбой об угощении. Озаглавливая свой материал, В.П. Юрлов называет первый часть – «заученный разговор крестьянских балагуров на свадьбе», а второй – «рацея дружки».

– Слушай, Ванька, кулешна стать,

Сумеешь ли на вопрос ответ дать?

– Эко-ста дело, чать, сумеем.

Ну-ка отгадай,

Только промаха не дай.

– Ну, бай,

Да смотряй,

Не плошай.

– Поехал я на базар, купил меру гороху.

– Ну, это хорошо.

– *Хорошо, да не больно.*

– *А что же?*

Да вот тоже:

Поехал я горох сеять, поднялся ветер,

Он и уродился редок.

– *Ну, это плохо.*

Плохо, да не больно.

– *А что же?*

Да вот тоже:

Редок, да стручист.

– *Ну, это ладно.*

– *Ладно, да не больно.*

– *А что же?*

– *Да вот тоже:*

Повадились свиньи, да горох съели.

– *Ну, это плохо.*

– *Плохо, да не больно.*

– *А что же?*

– *Да вот тоже:*

Я свиной-то перебил,

Да солонины насолил.

– *Ну, это ладно.*

Ладно, да не больно.

– *А что же?*

– *Да вот тоже:*

Повадились соседовы кошки,

Да съели все сало до крошки.

– *Ну, это плохо.*

– *Плохо, да не больно.*

– *А что же?*

– *Да вот тоже:*

*Я кошек-то перебил,
Да себе шубу сшил.
– Ну, это хорошо.
– Хорошо, да не больно.
– А что же?
– Да вот тоже:
Сосед-то узнал,
Да с меня шубу снял.
– Ну это плохо.
Плохо да не больно.
– А что же?
– Да вот тоже:
Я взял, да у соседа дочку украл,
А поп-то нас повенчал.
– Что ты! Неужто соседову дочь?
(первый балагур указывает на невесту).
– Глянь-ка, словно эту, точь в точь.
Пирующие смеются».*

Как видно, перед нами вариант широко известной сценки народного театра «Барин бравый» [Фольклорный театр, 1988, с. 58-59].

Значим этого текста не только тем, что в нем представлен интересный образец народного красноречия, но и ценными указаниями на некоторые особенности его бытования, которые публикатор приводит в комментариях, предваряющих текст. Так, в частности, он указывает, что подобные тексты неоднократно слышал на свадьбах. Исполнителями их были, во-первых, дружки, а во-вторых, люди, обладавшие «способностью красно говорить». Их он называет «домашние балагуры» и утверждает, что они отнюдь не просто одни из гостей, могущие вставить меткое и острое слово, а «являются необходимым гостями на крестьянских свадьбах» [Юрлов, 1867, с. 98].

Большой интерес для уяснения особенностей вхождения

определенных устойчивых текстов в конкретную обрядовую ситуацию представляет то, как этот диалог народного театра балагуры «привязали» к данной свадьбе.

А что же?

Да вот тоже:

Я взял, да и у соседа дочку украл,

А поп-то нас обвенчал.

Что ты! Неужто соседову дочь?

(первый балагур указывает на невесту).

Глянька, словно эвту, точь в точь.

Пирующие смеются [Юрлов, 1867, с. 100].

Второй текст, приведенный Юрловым, органически слит с предыдущим, что позволяет увидеть наглядно, как «сцепляются» различные тексты разных персонажей в одно речевое действие, создающее яркую и зрелищную театрализованную сценку.

«Является на сцену дружка, записной мастер говорит красно.

Д р у ж к а.

Спасибо вам, на словце, господа,

С самого испода,

Где вам через забор брагу пить,

Да красно говорить!

А ты, дядюшка Тарас,

Послушай-ка лучше нас,

А то, что за балагур,

Нечего сказать,— хорош:

Давал чорт грош,

Да и тот спятился.

А мы не чета ему,

Расскажем, как в высокиим терему

Сидит красная девица,

Собой белолица,

Полна, румяна,

*Без всякого изъяна,
Очи орлиныя,
Брови соболиныя,
Руки белыя,
Речи смелыя.
Ай ребята!
Кому-то девицу,
Лицом белолицу,
Полну, да румяну,
Без всякого изъяну.
Взять, да отведать,
Да век бы не ужинать и не обедать.
Ну-ка кому? Видно, мне одному. (Обращается к стряпке старухе).*

*Ну-ка стряпынька, лапынька,
Для добрых гостей.
Выьем по всей.
Али у хозяина вина не стало,
Припасу не достало?
Ну не гляди совой,
Не мотай головой,
Али на тебе леший езжал,
В лесу родилась,
Пенькам Богу молилась.*

Стряпка конфузится и уходит за вином и пивом [Юрлов, 1867, с. 98-101].

Появление первого текста на свадьбе, который исполняет не дружка, а два человека, гости или родные жениха или невесты, публикатор объясняет тем, что «в некоторых селениях Симбирской губернии нам нередко удавалось слышать на свадьбах различные рацеи и прибаутки дружек и различных доморощенных балагуров. Балагуры эти вообще отличаются способностью красно говорить и являются необходимыми

гостями на крестьянских свадьбах» [Юрлов, 1867, с. 98].

В обоих текстах в полном соответствии с принципами народного театра в той или иной степени и форме в действие втягиваются зрители.

Важным представляется и замечание Б.А. Успенского о том, что «заветные сказки» могли рассказываться и на свадьбах. «Так, они могли играть определенную роль в славянском свадебном обряде., в Болгарии, например. в брачную ночь, т.е. во время соития молодых, собравшиеся за столом гости рассказывают друг другу непристойные сказки. Соответствующие тексты явно соотносятся с тем, что одновременно происходит на брачном ложе: эротический сценарий свадебного действия параллельно разворачивается, таким образом, в двух планах – акциональном и вербальном. Можно предположить, что нечто подобное могло иметь место и у других славян, в том числе и у славян восточных» [Успенский, 2, 1994, с. 135].

Таким образом, как показывает наш обзор, смеховые устные тексты самых разных жанров составляли неотъемлемую часть свадебного обряда. Будучи связаны в своем происхождении с самыми разнообразными мифологическими представлениями и верованиями, они в дальнейшем утратили эту семантику и, возможно благодаря скоморохам, стали важнейшей частью свадебного обряда, в частности, и народной смеховой культуры, в целом.

В ходе обзора мы также установили, что одним из универсальных образов, создаваемых в корильных песнях, приговорах и некоторых других жанрах является образ «дурака». Однако он создается в свадьбе не только при помощи вербальных текстов, но и акциональных, т.е. таких обрядовых сценок, в которых действия над свадебным персонажем или действия свадебного персонажа создают такой образ.

Покажем это на примере одного из известных послесвадебных обрядов, совершаемого над молодой и представляющего типичный ритуал испытания, которому подвергается она, как и всякое лиминальное существо, прежде чем будет включена в новую семейную и социальную общность, или «новую социальную структуру» [Байбурин, 1993, с. 87].

Образ «дурочки»

На второй, реже на третий день, в доме своего мужа молодая должна была выполнить действия, призванные подтвердить ее готовность как женщины к замужней жизни: принести воды, убраться в доме, приготовить еду, ухаживать за домашними животными и др. Порою к выполнению этих работ молодая и члены семьи ее мужа относились весьма серьезно.

Молодая выполняла (на второй день – ММГ.) различную работу: ходила за водой, доила корову, могла даже затеять испечь пироги [ДФШ, 1996].

В некоторых случаях она, приступая к выполнению первой работы в доме своего мужа, сначала кланялась свекру и свекрови и получала благословление от них. Гости пристально наблюдали за тем, как она работает, поощряя ее деньгами, которые бросали периодически в выметаемый мусор, чаще всего солому. Также деньгами одаривали ее за испеченные ею блины, которыми она их угощала [Осипов, 1893, с. 112]. Как и всякое первое действие, эти домашние дела, с одной стороны, имели ритуальный характер [Валенцова, 2004, с. 676], а с другой, в XX в. они воспринимались как действительное испытание её умения выполнять домашнюю женскую работу и в то же время как проверка соблюдения ею этических правил поведения, например, она должна метением символически показать, что знает об одном из важнейших принципов семейной жизни – «избу мети, а сор на улицу не кидай».

Однако чаще это и подобные испытания становились для молодой одновременно испытанием смехом, ибо родные жениха своими действиями стремились создать такую ситуацию, при которой она выглядела бы смешно.

Молодая метет пол в избе, а они постоянно подбрасывают солому и смеются над тем, что она не может выполнить такого простого действия.

На другой день утром, когда все встанут, входит в избу молодая, и, поклонившись гостям, начинает убирать с полу солому. Тогда все почти гости понемногу выходят из избы, берут на дворе еще по пучку соломы, приносят их в избу и бросают <...>. Таким образом гости заваливают соломою почти всю избу. Молодая, выбившись из сил от уборки ее, идет к отцу, кланяется ему в ноги и говорит: «Памилуй, батюшка! Заступись за миня! – Гости усю хату (избу) саломой загрузили». Отец успокаивает ее, берет штоф вина, идет в избу и потчует гостей, после чего они уже сами выносят принесенную ими солому, а молодая только выметает из избы сор [Шейн, 1890, с. 494-495].

Молодая несет воду из источника, а по дороге у нее отнимают ведра, выливают воду на землю и смеются, что ей не удастся донести ее до дома [Матлин, 2013, с. 89-94].

Второй день праздновали у невесты. Шутили там. Я по воду пошла, а девки-то ведра шатают. Вода прольется, а они кричат: “Плоха хозяйка, воду льет!” А я их лепешками угощала из сундука [СВГ, 1989].

Молодая печет блины, а они бросают в них мусор, камни и смеются над ее неумением испечь хорошие блины.

Утром молодую заставляли печь блины, а гости «придурялись» – затыкают трубу, подмешивают несъедобное в тесто, втыкали в блины шишки, мох и приговаривали: «Вот невеста какая – блины со мхом печёт» [ВМН, 1990].

Смех над молодой, как неумехой и нехозяйкой звучит и в корильных песнях [Шевченко, 2011, с. 211].

Приходя под двери дома молодого, просят, чтобы им свекруха отворила» и при этом «для смеха» поют:

*Отвори, мать, хату,
Ведем тебе мохнату;
Она квашню не замесит –
У нее капля с носа висит;*

*Хату не заметет –
А то живот себе сомнет;
Корова у неё не подоится –
Как огня её боится*
[Лозинський, 1992, с. 149-150].

В шутку такую характеристику девушке, которую пришли сватать могли давать и ее родные, изображая, что они якобы не хотят выдавать ее замуж.

Утром, пока сват придет, родня невесты уже в сборе; <...> сват спрашивает: «Ну – что? Как дела?» Ему, шутя, отказывают, говорят, что у них девка неподходящая, ленивая или слепая и выказывают другие недостатки, которых нет [Сорокин, 1891, с. 30].

В контексте этой традиции становится понятным и странное поведение свата, описанной Шейном в его «Великоруссе» (Смоленская губерния).

Задумал крестьянин Василий женить своего сына и выбрал для него невесту в Никитином дворе; дали знать в тот двор, что в такой-то день придут сваты. Вот в назначенный день является Василий в Никитин двор, входит в избу, молится образам, потом садится на корточки посреди избы, а в углу под образами сидят отец и мать. Стол накрыт белой скатертью, на нем положена коврига хлеба, стоит солонка и полштофа водки. Сидя на корточках Василий обводит вокруг глазами и говорит: “Хочу я жанить сваво Иванушку, пришел вашу девку смотреть, говорят, что она, и коса, и хрома, и собой невзрачна да и делать ничего не умеет; не годится она моему ясному соколу Иванушке”. На это мать с отцом отвечают: “Что ж ты девку нашу коришь, аль никогда ее не видал? Выдь-ка, Прасковьюшка, покажи свои ясные очинька”. Невеста выходит из-за перегородки, берет со стола водку и подносит Василью. Отец и мать приговаривают: “Встань-ка Васильюшка, посмотри на девку нашу, какова она”. Василий встает, выпивает стакан водки и говорит: “Нет, не хороша ваша девка, не годна

она моему молодцу, да и водка дурная”. С этими словами он направляется к двери, надевает шапку и не поклонивши никому, уходит. Через несколько времени входит в избу жена Василия со свахой и сзади – сам Василий, который останавливается у порога, а жена молится Богу, кланяется всем, и приговаривает: “Не слушайте его, добрые люди, что корит он вашу дочь, он у меня слеп, не видал ясных очей Прасковьюшкиных; он у меня глух, не слыхал медовых ее речей, я пришла к вам поклониться: отдайте вашу дочку за мово сыночка, у мово-ли у Иванушки русы кудри вьются, по плечам рассыпаются, очи ясные, как у сокола, уста сладкие, сахарные, любя ему ваша Прасковьюшка, будет любить ее, миловать, а вас чевствовать”. Отец с матерью встают со стола, кланяются, целуются, подводят невесту, которая низко кланяется и подносит водку; все садятся за стол – это называется “лады”. Родные с обеих сторон собираются, пируют и говорят, что уже “девку пропили”. Назначают день свадьбы, а до того времени каждый день к невесте по вечерам собираются девки-подружки, помогают ей шить приданое, готовят “дары”, поют песни, а жених приезжает навещать невесту и привозит гостинцев» [Шейн, 1900, с. 595-596].

Как мы отмечали в своей монографии «Смеховые театральные-игровые формы в русской традиционной свадьбе XIX-XX вв.» [Матлин, 2013], поведение свата, тем более что им в данном случае является отец жениха, выглядит здесь не просто вызывающе – оно полностью нарушает каноны как гостевого этикета, так и свадебного ритуала. Причем это нарушение не обусловлено какими-либо ситуативными причинами (невеста и красавица, и умница, водку ему поднесли хорошую). Не вызывает такое поведение ответной негативной реакции со стороны тех, кого буквально оскорбляет сват. Появление вскоре жены свата – матери жениха также не встречает вполне предсказуемого отпора у стороны невесты. Насквозь поэтической и этикетной является и ее речь. Она буквально соткана из традиционных формул свадебных величальных песен. В результате сватовство заканчивается благополучно. В контексте

такого поведения участников сватовства, их реакций, благополучного исхода обряда возникает убеждение, что поведение отца жениха тоже имеет ритуальный характер.

Смеховая отрицательная характеристика невесте могла возникать в речи ее родных во время диалога с поезжанами, приехавшими за невестой.

– Зачем вы приехали?

– Да за вашей княгиней.

– Наша княгиня сегодня не в исправности, – решетом воду носила, снегом баню топила, а сама чумичкой сидит [Гринкова, 1927, с. 127].

Такой же образ невесты мог возникать и в ее причитаниях. Так, например, обращаясь к жениху, она старалась предупредить его возможные попреки после свадьбы в ее адрес.

Чтоб во предь тебе не каяться,

Людям, братьицам не жалиться.

Что женился не удачливо.

Молода жена невзрачлива.

На походочку не ступоцка.

На рець-басни не учливая,

Я на лицо некрасивая,

Тонкоруцка, не работницка,

Белоножка, не коровница.

[На гумне не замолотчица]

[Шевченко, 2011, с. 211].

Но в некоторых региональных традициях не другие создают из молодой образ неумехи, а она сама, совершает такие действия, которые квалифицируются как действия «дурочки».

Молодая не знает двора, в котором она сейчас живет.

За водой посылают, коромысло дают. А молодая несёт вёдра не в дом, как будто что двора не знает, а к кому-нибудь. А её хватают и опять в дом, хватают и опять в дом. Смехб это [ФИА, 1979].

Молодая не умеет приносить дрова.

На следующий день в присутствии всех гостей заставляют молодую приниматься за работу, – сначала велят ей наносит в избу дров. Та идет в чужую поленницу, навяжет небольшую связку в фартук или платок и, неся, несколько раз садится отдыхать. Ее упрекают, что она так мало несет, да еще отдыхает. Молодая говорить, что у родимой матушки всегда так делала. Принесет в избу дрова и кладет их не к печи, а куда-нибудь в другое место. <...> Смотри на эту работу свекровь говорить: «что мне с такой дурой делать? Совсем беда» [Смирнов, 1907, с. 103-104].

Молодая не знает, как растапливать печь.

Потом молодую заставляют принести дров. Она приносит дрова, кладёт их в передний угол и пробует их поджечь [Переславское Залесье, 2011, с. 89].

Молодая не умеет печь блины.

Сейчас всех сватов и «пировых» за стол, а молодую заставляют блины печь. Загремят по сковородню железом, зазвенят, как колокольчик, и крикнут: «Ну иди, молодая, блины печь! Пасмотрим на твоё изделья!» Наливает молодая блин. На чапельнику «ленды нацепляны». Ставит молодая блин прямо под печку. Сейчас женихова мать, и делает замечание: «Ана у вас без памити. Када ж эта бываит, что блин пекётца пад печкаю? У нас адна кошка живёт пад печкаю». А то молодая насажает на блин «веникыу». Кричат: «Дура, дура, маладая! Ланька блинов каких напикла — с цвитами» [Добровольский, 1902, с. 228].

Наиболее полное описание этой традиции приводит П.В. Шейн.

Тысяцкий обращается к жениховой матери со словами: «Не все тебе, Пелагея Степановна, самой печку-то топить, и кушанья варить, теперь и молодая истопит». Другие гости, в ответ на это, кричат: «Надо испробовать, умеет ли молодуха-то печку топить. Пуцай-ка за дровами сходить!» Невеста выходит из избы за дровами, причем сватья с ее стороны указывают ей хозяйскую поленницу, а женихова

сватья сбивает ее и ведет к чужой дальней поленнице. Здесь молодуха набирает охапку дров и несет их в избу. Гости увидевши, что молодуха набрала чужих дров, кричат: «Дура, дура, молодуха-то, дура!»

Внесши дрова в избу, молодуха обращается лицом к порогу и молится на него. Гости изумляются и кричат по-прежнему, а молодуха между тем два полена кладет но краям божницы, дает по полену свекру со свекровью и другим гостям. Раздаются оглушительные крики: «Дура, дура, совсем дура!»

— Умеет ли она прясть-то?

Подают молодухе гребень. Она взлезает на столь, становит на нем гребень шиворот на выворот, и садится на гребенку, а вместо льну навертывает соломы и разбрасывает ее по избе. «Дура, дура!» – раздаются крики. <...> «Дура, дура, молодуха-то! Где сват? Он сосватал, он и в ответе. Его надо наказывать; надо его пороть!» [Шейн, 1900, с. 639].

Действия молодой во всех приведенных примерах явно и сознательно направлены на создание ею образа «дурочки», вызывающего смеховую реакцию окружающих. Действительно, как отмечала С. Лашенко, это была своеобразная традиция, в соответствии с которой «она сама <...> должна была вызывать» на себя смех, «сознательно разжигая “пламя хулы” и смеха, постоянно “подпитывая” их своим поведением» [Лашенко, 2006, с. 163].

Такое поведение свадебного персонажа имеет явное типологическое сходение с поведением героя анекдотов о глупцах и сказочного дурака. Это такие сюжеты, как СУС 1691 «Дурак домовничает», 1716 «Фома и Ерема», 1200-1349 «Анекдоты о глупцах» [Сравнительный указатель сюжетов, 1979, с. 273-274, 347, 352,]. Общее для них можно сформулировать так: «не знают общеизвестного и делают все по-дурачки» [Юдин, 2006, с. 110].

Вот как, например, описываются действия Фомы и Еремы в одном из вариантов сказки.

– Да не полно ли, брателко,

*Дом заводить?
Станем-ко, брателко,
Пашенку пахать.
Ерема впряг кота,
А Фома петуха.
У Еремы не тянет,
У Фомы не берет.*
[Шейн, 1898, с. 266-267].

Столь же нелепы действия глупцов: старуха пробует доить куру, ругает ее, зачем не кормит цыплят молоком (СУС 1204); вгоняют лошадь в хомут, вместо того чтобы надеть его (СУС 1214); пробуют растянуть бревно, чтобы оно стало длиннее (СУС 1244) и др.

Поэтому вполне справедливым можно считать утверждение, высказанное в свое время Н.Ф. Сумцовым, что «нет такого рода словесности, куда не проникли бы анекдоты о глупцах. Чаще всего они передаются в форме сказок или повестей, встречаются в виде басен, в виде песен, причем в виде песен встречаются в форме былевой, песен вечерних, и свадебных» [Сумцов, 1898, с. 3].

Близок создаваемый в данных сценках и сопровождающих их текстах образ молодой образам невесты и жены, творимых балаганным дедом.

*«Присваталась ко мне невеста, свет Хавроньюшка любезна.
Красавица какая, хромонога-кривая, лепетунья и заика. Сама ростом не велика, лицо узко как лопата, а назад-то заплата, оборвали ей ребята.*

Когда я посватался к ней, какая она была щеголиха, притом же Франтиха. Зовут ее Ненила, которая юбки не мыла. Какие у ней ножки, чистые как у кошки. На руках носит браслеты, кушает всегда котлеты. На шее два Фермуара, чтобы иляпку не сдувало. Сарафан у ней Французское пике и рожка в муке» [Петербургские балаганные прибаутки, 1889, с. 311].

«У меня жена красавица. Под носом румянец, во всю щеку сопля.

Как по Невскому прокатить, только грязь из-под ног летит. Зовут ее СОФЬЯ, которая три года на печке сохла. С печки то я ее снял, она мне и поклонилась, да на трое и развалилась. Что мне делать? Я взял мочалу, сирил, да еще три года с нею жил» [Петербургские балаганные прибаутки, 1889, с. 312-313].

«Мастерица моя жена варить, в каждом горшке по два кушанья. Кашу варит: крупу всыпает, не мешает, — так в печь и пихает. Потом вынимает, меня старика-то есть и заставляет. Со старости не разберу, все с горшком и уберу.

Мастерица печь пироги и короваи, пекет всегда в сарае. Готовит в кухне, чтобы больше пухли, с начинкой, с телячьей овчинкой, с луком, с перцем, с селедочными головками, с яичной скорлупой, с собачьей требухой – во какой! С одного конца разорвалося, по всей деревне раздалося. А есть только свинье удалось. Рыжий облизывается, верно попробовал.

Мастерица хлебы печь. Становит с вечера на дрожжах, утром подымает на вожжах. Сажает на лопате, вытаскивает на ухвате. Сажает два, а вытаскивает тридцать два. Да что и за хлебы! Снизу подопрело, сверху подгорело, с краев-то пресно, в середине-то тесто» [Петербургские балаганные прибаутки, 1889, с. 314].

Таким образом, в данном цикле действий, совершаемых молодой на второй или третий день свадьбы можно выделить три варианта: 1) действия молодой строятся строго в соответствии с правилами внутрисемейного этикета, окружающие поощряют ее к выполнению их, так что в итоге молодая получают заслуженное одобрение от старших в семье мужа; 2) действия молодой строятся строго в соответствии с правилами внутрисемейного этикета, но окружающие препятствуют ей выполнить задания, высмеивают ее, придавая испытанию игровую форму; 3) действия молодой строятся по законам игрового антиповедения с нарочитым нарушением всех правил, вызывая вполне оправданный смех над ней. В итоге во втором и третьем случае для окружающих она

становилась «дурочкой». Но между этими двумя сходными ситуациями есть принципиальное различие. Во втором случае, как и в первом, поведение испытуемой носило предельно серьезный характер, выполнение заданий для нее имело важное значение, так как способствовало созданию положительного образа в глазах окружающих. Возникающее в результате сознательных действий родных мужа невозможность достичь желаемого результата должна была помочь испытуемой понять, что в чужой семье главное значение имеют не ее личные умения и усилия, а воля и желание старших, к которым она, в конце концов, обращалась за помощью и которые оказывали ее, благополучно разрешая ситуацию. В третьем случае, когда испытуемая сама сознательно и целенаправленно творила своими игровыми действиями из себя образ дурочки, вызывая смех окружающих, можно видеть один из распространенных способов психологической защиты человека в стрессовых ситуациях. Совпадая по форме с антиповедением глупцов и дураков анекдотов и сказок, она в то же время как бы приближалась к образу шута, который для достижения своих целей надевал маску дурака, благодаря чему выходил победителем в состязании с умными и успешными людьми. Но есть ли такая семантика в образе невесты-дурочки в третьем случае? Обратимся снова к примеру, который привел В.Н. Добровольский.

Потом говорят молодой: «Ну-ка пометись! Умеешь ли ты мечь»? Возьмет невеста метлу и метет от порогу прямо к печи. «Что ж вы, сватушки, хвалили невесту: ана ни умеит мечь». – «Да ана у нас и дома тахта мятеть; ета штоба не выносить слов из дома». – «Ну, исполать, сватушка, умная и разумная у тебе невестушка – ни дура!» [Добровольский, 1902, с. 228].

Дурацкое поведение молодой на поверку оказывалось правильным! Но правильным не в бытовом, а в ином значении, который не смогли сразу понять окружающие. Однако это ведет нас не к шуту, дурацкие действиями которого не имели сокровенного значения, а скорее ...к юродивому. В свое время А.М. Панченко, анализируя феномен юродства в русской

культуре, отмечал, что «в юродстве акцентируется внеэстетическая функция, смеховая оболочка скрывает дидактические цели» [Панченко, 1976, с. 85]. Им же обозначена и связь юродства с русской народной культурой, с фольклором. Указывая на парадоксальность поведения юродивого, он отмечал, что именно это роднит его с персонажем сказок о дураках. Более того, как далее заметил А.М. Панченко, «“юродивый” и “дурак” – это, в сущности, синонимы. В словарях XVI—XVII вв. слова “юродство”, “глупость”, “буйство” стоят в одном синонимическом ряду» [Панченко, 1976, с.100]. Он же отметил и сходство поведения юродивого с поведением героя народных христианских легенд [Панченко, 1976, с.106-107].

Отмеченные параллели с разными фольклорными и культурными фактами, которые являет столь странное поведение молодой, свидетельствуют о сложной семантике такого поведения и о специфическом проявлении его в свадебном обряде.

Проведенный анализ показывает, что образ «дурочки» применительно к невесте или молодой неоднозначен. Во-первых, он создавался в процессе ее корения, которое являлось одной из форм ритуального противоборства двух сторон. Во-вторых, он возникал в результате действий стороны жениха, организующей испытание и инкорпорирование молодой в новую семью. В-третьих, он творился таким поведением самой молодой в процессе прохождения ею испытания, которое имело явный игровой характер.

Во всех трех случаях возникал смех над ней, который был неотъемлемой частью этой завершающей фазы обряда перехода, проходя которую она преодолевала *чуже-родность* и входила в упорядоченный и системно организованный мир другой семейной и социальной общности. Именно поэтому смех в данном случае выполнял одновременно дифференцирующие и интегрирующие функции.

Но кроме устных смеховых текстов большую роль в свадьбе играли и соответствующие письменные, место и роль которых существенно возросла в XX в.

Письменные смеховые свадебные тексты

Письменные смеховые тексты XIX – начале XX в.

Уже в XIX – начале XX в. некоторые жанры свадебного фольклора бытовали также в письменной или устно-письменной форме. Это было связано, с одной стороны, с влиянием на русскую крестьянскую культуру письменных текстов (песенников, лубков, деловых, конфессиональных, судебных документов и мн. др.). Как справедливо замечал К. Богданов, «непредвзятый подход к фольклорному материалу показывает, что анализ этого материала вне учета книжного влияния, воздействия церковной и светской культуры, как правило, не объясняет ни его происхождения, ни его реального бытования. <...> очевидно, что там, где письменная культура уже сложилась, а деревня не является абсолютно изолированной от города, фольклор представляет собою сложный сплав многообразных составляющих» [Богданов, 2001, с. 49].

Этот процесс к концу XX в. привел, как полагает С. Ю. Неклюдов, к формированию сначала в городе, а потом и в селе принципиально нового типа фольклорной культуры, который он предложил назвать *постфольклором* [Неклюдов, 2003, с. 6-15].

С другой стороны, как показывают исследования современных лингвистов, посвященные разграничению понятий «текст», «дискурс», «коммуникация», дихотомия устность/письменность, которая и по сей день играет очень важную роль в фольклористике, не покрывает всего многообразия речевых практик, в том числе и фольклорных, как в прошлом, так и в настоящем. «Одним из важных вопросов современных дискурсивных теорий является проблема корреляции понятия “дискурс” с такими дефинициями, как речь, текст, высказывание, диалог и др.», – пишет, в частности, М. Ю. Олешков. Особо при этом он выделяет идею В. В. Богданова о том, что речь и текст необходимо рассматривать «как два аспекта дискурса. Такая интеграция позволяет трактовать дискурс

как речевую деятельность, реализуемую в звуковой или графической форме» [Олешков], благодаря чему «снимается всякая ограниченность признаками монологический/диалогический, устный/письменный» [Макаров, 2003, с. 90].

Определение дискурса как речевой деятельности оказалось очень важным для современной теории фольклора. Плодотворность такого подхода, т.е. понимания фольклора как особого типа речевой деятельности, продемонстрировала С. Б. Адоньева в своей диссертации «Прагматика фольклора: частушка, заговор, причет (Белозерская традиция XX века)» [Адоньева, 2004].

Именно поэтому изучение свадебных документов предполагает не только установление их типологии, связи с жанрами и типами письменной речи, но и анализ их функционирования в свадебном обряде, ибо, как писал А. К. Байбурин, «...в ритуале нет слова, а есть говорение, пение, нет пищи, а есть ее приготовление, использование и прочие операции» [Байбурин, 1993, с. 212].

Основными типами письменных текстов, которые были зафиксированы в свадебной традиции конца XIX – первой половины XX в., были заговоры, молитвы, приговоры дружки. В конце XX – начале XXI в. количество письменных свадебных документов резко возросло, особенно таких, которые представляли собой смеховое обыгрывание различных официальных, деловых, технических и прочих документов. Рассмотрим некоторые из них более подробно.

Как известно, в свадьбе широко использовались различные виды апотропеической магии, в том числе заговоры и молитвы. Их произносили невесты, дружки, читали специальные женщины/мужчины, приглашаемые на свадьбу. Листочки с переписанными текстами заговоров и молитв также могли использовать в качестве оберегов для жениха и невесты. В этом действии важна в первую очередь магическая сила молитвы или заговора, однако нельзя не заметить, что во втором случае, когда использовали листочки с переписанной молитвой (чаще всего

это была молитва *Живые помощи*), сила ее как бы удваивалась, ибо не только текст молитвы, но и листок с ее записью приобретал сакральную, апотропеическую силу. На распространенность этой традиции в XVII – первой половине XIX в. указывал А. Л. Топорков, отмечая, что рукописные заговоры могли выступать в функции амулета, который должен был придать «человеку неуязвимость» [Русские заговоры, 2010, с. 12]. Об этом же пишут Т. Б. Дианова, В. А. Ковпик, А. В. Чеканова, указывая, что в письменной форме функционировали также пастушья «отпуска», «святые письма», отдельные виды граффити [Дианова, 2002, с. 196-198].

В случае использования молитв и заговоров на свадьбе *свадебными* они становились только в результате их использования в этом обряде, т.е. их жанровая спецификация носила функциональный характер. Такое изменение функциональности текста, как отмечал в свое время П. Г. Богатырев, весьма распространено в народной культуре [Богатырев, 1973, с. 200-211; Богатырев, 2006, с. 148].

Письменная форма была характерна и для приговоров дружки [Кузнецов, 1902, с. 1-27.]. Она была способом хранения и ретрансляции традиции: существуют многочисленные свидетельства о том, что дружки часто специально переписывали тексты приговоров, которые потом использовали в своей практике [Морева, 1927, с. 113].

Наиболее известна рукопись первой половины XIX в., изданная в 1902 г. А. Кузнецовым [Кузнецов, 1902, с. 1-27; Свадебные приговоры, 2009, с. 111-136]. По информации, полученной А. Кузнецовым от владельцев рукописи, она принадлежала «одному из лучших и последних дружек» [Кузнецов, 1902, с. с. 1].

Публикатор особо отметил, что запись приговоров представляет собой орфографически не совсем корректную запись, близкую так называемому «неграмотному письму», для которого в данном случае характерно отсутствие знаков препинания, ошибки в построении предложений и, конечно, плохое владение орфографией.

Еще один образец письменного текста приговора дружки опубликовал в свое время Н. Ончуков, отметив, что ее владелец списал текст, когда ему было 12 лет (!). Владелец не ограничился механическим копированием, а, как он сказал собирателю, «редактировал ее, убрав неприличные <...> места и кой-что прибавив» [Ончуков, 1908, с. 261]. Это замечание дружки показывает, насколько развитой, творчески активной и важной была письменность в бытовании этого свадебного жанра.

Не меньший интерес представляют т.н. *указы*, зафиксированные Е. Э. Бломквист в Ростовском уезде. Публикуя их, она особо отмечала, что эти тексты хранились «у кого-нибудь в деревне в рукописном списке» [Бломквист, 1927, с. 104]. Их зачитывала, как правило, девушка, невзирая «на наличие большого количества непристойного элемента», которой как бы «подпевали» другие подружки невесты, нарядившиеся в мужскую одежду и подрисовавшие себе усы [Бломквист, 1927, с. 103]. Чтение указов не просто вызывало смех, а «сопровождалось взрывами хохота» всех присутствующих [Бломквист, 1927, с. 103].

Примерно в это же время данную традицию фиксирует и С. Е. Елховский в д. Куряниново Владимирской губернии (ныне Переславский район Ярославской обл.).

«Потом выходит вперед одна закутанная девушка и на крыльце читает невесте – «указ»: “Здравствуйте, сватья и сваты, и все сватовы ребята, и весь честной поезд! Что вы, сват, долго не бывали, али коней добывали? Вы бы нам посвистали, мы бы вам скорей их сыскали. А нам сказали про вас, что четыре коня у вас. Конь-то карий – с ободранной харей, копыта решка с хорошей побейкой. Бежит – не устанет, а упадет – не встанет, и семерым не поднять. Вот сват и сваха, и все сватовы ребята. Наша невеста – княгиня новображна, ждала и глядела, варили пятеро щи. Щи густые, щи пустые, щи с наварой, щи с подварой, щи с хрящом, на дно-то ... пущен. Наша-то сваха встанет на порог, ссыт до задних ворот, даже хватает и в огород. Такие сватам огурцы родятся, что и вам на закуску годятся. У нашей-то свахи корова пестра, ссыт с моста ведер по

ста, доит молоком, а серет творогом. Вот, сватушки любезные, у нашей-то княгини, невесты новображной, белья да одежды – куль да рогожа, сундук с бельем да сундук с гнилем. А у вашего князя новображного один глаз с бельмом. Вот, сватушки любезные! Наш-то сват сегодня ездил на базар, купил петуха за три рубля. Приехал домой, глядит: ух, ух, вот так петух!... твою мать, не умеет кур топтать, придется самому лизать. Вот, сватушка любезный! А наша-то невеста, княгиня новображная, ловка и поворотлива: пойдет в овин, задницей повертит, – весь овин обмолотит. Добрая!!! А жать пойдет, ножки расставит, копеночку поставит»...” (не закончено). За чтение «указа» девушке дают гостинцы или деньги» [Переславское Залесье, 2011, с. 217-218].

Е. Э. Бломквист в Ростовском уезде была зафиксирована еще одна традиция, связанная с письменностью, – чтение смеховой *росписи приданого*. Она совершенно справедливо связывает эту традицию с лубочными картинками, среди которых весьма популярна была также пародия на росписи приданого, существовавшие «в мещанском, купеческом и духовном сословии и включавшимися в рядные записи» [Бломквист, 1927, с. 105]. Однако, как впоследствии заметил В. А. Поздеев, нельзя недоучитывать также того, что смеховые свадебные указы в своем происхождении связаны не только с лубком, важно, что они представляют собой пародийную стилизацию «настоящих деловых документов древней и средневековой Руси» [Поздеев, 1986, с. 23]. Как известно, «Роспись приданого» была очень популярна в демократической литературе XVII в. и входила в группу произведений, пародирующих деловую письменность [Русская демократическая сатира, 2008, с. 187].

Указанной выше традиции типологически близка другая, зафиксированная в Слуцком уезде Минской губернии и также связанная с росписью приданого. На второй день свадьбы, когда родные невесты одаривают молодых, маршалок (дружка в белорусской свадьбе) дает смеховой комментарий подаркам, а один из гостей садится в красный угол, берет в руки заслонку от печи и мелом якобы записывает на ней перечисляемое маршалком.

«Есть у князя такого-то, княжна такая-то, ее даруюць – житам-бытам, счастьем, долею и векам довгим, белаю фатою (наметкою), сто золотых, и корову, на хвост рабоу, штоб любилиса обое» [Шейн, 1902, с. 461].

Таким образом, перед нами – смеховое имитирование оформления устного текста в письменный квазигирирический документ.

Зафиксирован в свадебной традиции и вариант этого акта – имитирование чтения письменного документа. Один из примеров такого смехового действия приводит П. П. Чубинский в сборнике «Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край...». Свадебный поезд приезжает в дом к невесте, поезжане говорят, что идут из туретчины русскому царю служить и утверждают, что их якобы определили на постой в этот дом. Но родственники невесты им не верят и требуют, чтобы они показали *прашрот* (паспорт).

«Та покажіть но нам перше прашпорт – не бийтеся!

– Зараз, говорит дружба и при этом вынимает из кармана клочек испещренной бумаги и, смотря в бумагу, начинает говорить, что только придумает смешного. Вот один из таких “прашпортов”.

Іхала Хима

З Русалима

Сивою кобилою,

Тарадайкою дрантивою.

Тарадайка тарахкоче,

Кобила тягнути не хоче.

Пішла Хима до хати

Кия шукати;

Вовки засіли,

Кобилу иззіли;

Вийшла Хима, та й плаче.

– Цить, Химо, не плачь, –

Даст тобі Бог талан:

*С хвоста гаранник,
С шкури жупан,
Та й поїдеш собі, як пан...*

Когда дружба кончит чтение, домашние берут те “рушники”, к которым в пятницу дружки пришивали тороки, подходят сзади, вяжут их и кричат:

– Ви розбіяки! Ви читаете якась баломутство, а не прашпорт!

Перевязав их рушниками, целуются и пьют могорыч» [Чубинский, 1877, с. 343].

Указанная традиция получила особенно бурное развитие в последней четверти XX в. как в городской, так и в сельской свадьбе.

Письменные смеховые тексты конца XX – начала XXI вв.

На ней главенствующую роль играют уже не устные, а письменные тексты или документы. Под письменными текстами современной свадьбы мы понимаем не только те, в которых воспроизводятся разнообразные письменные официальные документы, существующие в современной культуре. Это может быть текст, устно произносимый, точнее говоря, зачитываемый на свадьбе, но созданный по законам письменного творчества, оформленный по законам письменной графики (шрифтовое выделение отдельных фрагментов, слов, букв) и книжного дизайна (рисунки, виньетки, фотографии, в том числе сканированные изображения и т.д.) и вручаемый после зачитывания в виде письменного документа участнику свадьбы. Например, *Пожелание*, представляющее собой стихотворный текст, предназначенный для произнесения или зачитывания: *«Когда два сердца тянутся друг к другу // И ритм один в биении сердец, // Жених под руку должен взять подругу // И повести с любовью под венец...»* и т.д. Размещен этот текст на двух тетрадных листках формата А4, соединенных скотчем, с трех сторон вырезано по три лепестка ромашки, сам текст написан шариковой ручкой фиолетового цвета, инициальные буквы каждой строфы выделены фломастерами разных цветов (оранжевый, желтый, зеленый, розовый, др.), а инициальные буквы каждой строки выделены фломастером синего цвета.

На основе анализа более 300 записей современной свадьбы, совершенных в Ульяновске, городах областного подчинения, рабочих поселках, селах и деревнях, можно выделить следующие разновидности свадебных документов, исходя из тех названий, которые закреплены за ними в самом обряде:

1. Адрес.
2. Акт (передачи жениха невесте, передачи невесты жениху).
3. Газета свадебная («Свадебный вестник», «Хомут»).

4. Грамота о назначении свекром / тестем.
5. Диплом (жениха, невесты, жены, мужа, мужа и жены, свекрови, свекра и свекрови, тестя и тещи, об окончании курсов «А ну-ка, мальчики», «А ну-ка, девочки», института «Девичьи грезы» (+Приложение к диплому, Вкладыш к диплому), народного института «Семейное право», школьно-жизненных наук, курса женихов в Академии закоренелых холостяков, курсов невест факультета «Молодая жена»).
6. Дорожные знаки жизни.
7. Заповедь (жене, мужу).
8. Инструкция (по эксплуатации мужа, по хранению мужа).
9. Клятва (жениха, матери, невесты, молодых, молодоженов).
10. Кодекс (гражданский, жениха, мужа, жены, для новобрачных).
11. Конституция молодой семьи.
12. Наказ (жене, жене-невесте, жениху, молодым, мужу, невесте, свекрови, свекру, свидетельнице, свидетелю, теще, тестю, друзей, родителей).
13. Напутствие (жениху, невесте, молодым).
14. Наставление (жене, мужу).
15. Обвинительное заключение народного суда (1-ый день, свадебный стол).
16. Памятка (жене, мужу).
17. Паспорт технический (жениха, жены, мужа, невесты, семьи).
18. Паспорт гарантийный (жениха, невесты).
19. Эксплуатационный паспорт (на жениха).
20. Письмо.
21. Плакаты.
22. Пожелание.
23. Поздравление.
24. Положение о награждении медалью.

25. Посвящение (молодых в мужа и жену, в свекрови).
26. Приговор суда (на 2-ой день свадьбы).
27. Приказ (жене, общества холостяков, о призыве на действительную семейную службу, свадебный).
28. Протокол заседания народного суда (2-ой день, обряд «Поиски ярки»).
29. Пьеса («Свадьба»).
30. Речь тронная пьяного свидетеля.
31. Ромашка с вопросами.
32. Сберегательная книжка.
33. Свидетельство (тестя и тещи, о браке, брачное, об окончании любовно-брачных наук).
34. Следы.
35. Совет (невесте, жениху).
36. Стихи.
37. Талон гарантийный (невесты).
38. Телеграммы.
39. Удостоверение (тестя, тещи, о присвоении звания свекрови, на вождение детских колясок).
40. Указ-наказ.
41. Указ (Гименя, Его Императорского Величества, в связи с вступлением в брак, министерства семейно-строительного образования, по министерству любовной промышленности).
42. Устав свадебного вечера.

Все они, в свою очередь, могут быть сгруппированы в более широкие классы или типы в зависимости, во-первых, от того, какой официальный документ послужил основой для создания свадебного текста, а во-вторых, от того, какую функцию они выполняют в брачно-свадебном процессе. При этом сразу заметим, что тип документа отнюдь не определяется его заглавием, поэтому в разных классах оказываются документы, которым носители традиции присвоили одно и то же заглавие.

Например, можно выделить класс **статусных** документов. Они

основаны на официальных документах, удостоверяющих, узаконивающих, регламентирующих статус личности - гражданство, образование, семейное положение, профессиональную группу и др. Внутри класса статусных документов могут быть выделены типы: *Паспорт, Диплом, Свидетельство, Удостоверение, Положение о награждении медалью* (удостоверяющие статус), *Приказ, Указ, Посвящение, Грамота о назначении* (вводящие, узаконивающие, статус), *Кодекс, Конституция* (регламентирующие статус).

Второй класс - **описательные** документы (основаны на документах, описывающих, характеризующих те или иные субъекты или объекты): *Талон гарантийный, Акт передачи, Паспорт (гарантийный, технический, эксплуатационный)*.

Третий класс - **функциональные** документы (основаны на официальных документах, определяющих функции в той или иной производственной, общественной, нравственной и прочих сферах): *Заповедь, Инструкция, Наказ, Напутствие, Наставление, Пожелание, Советы, Памятка, Клятва, Указ, Кодекс*.

Четвертый класс - **испытательные** (проверяющие) документы: *Следы, Губы, Ромашки*.

Пятый класс - **информативные** документы: *Плакаты, Открытки-приглашения на свадьбу, некоторые Телеграммы*.

Шестой класс - **поздравительные** документы (поздравительная функция присуща многим свадебным документам, но в данный класс мы выделяем такие, в которых эта функция является единственной или доминирующей): *Поздравление, Адрес, Телеграммы*.

Седьмой класс - **обвинительные** документы (воспроизводят в смеховом ключе некоторые административные и судебные документы): *Обвинительное заключение народного суда (1-ый день, свадебный стол), Приговор суда (на 2-ой день свадьбы), Протокол заседания народного суда (2-ой день, обряд «Поиски ярки»), Приказы*.

Есть достаточно большая группа документов, в которых нельзя

выделить какую-либо одну доминирующую функцию. Например, *Газета свадебная* - это документ комплексного характера, который и информирует, и поздравляет, и вводит статус и т.д. Класс конкретного стихотворения не может быть задан заранее, ибо он зависит от его содержания. Некоторые *Письма* одновременно и информируют, и поздравляют, и обвиняют (например, *Письмо от холостой жизни*).

Вне предложенной классификации остаются такие единичные документы, как *Устав свадебного вечера*, *Дорожные знаки жизни*, *Пьеса («Свадьба»)*, *Речь тронная пьяного свидетеля*, *Сберегательная книжка*.

Различные типы документов обладают разными функциями в свадьбе и могут иметь / не иметь соответствия с поэтическими или стихотворными (типа «рацей» дружки) текстами традиционной свадьбы XIX - начала XX в. Так, в частности, *Дипломы*, *Свидетельства*, *Удостоверения*, являясь статусными документами, в определенной степени совпадают по этой функции со свадебными величальными песнями, в то же время принципиально отличаясь от них по своей поэтической природе (если в величальных песнях идеализация определяла поэтическую природу текста, то в современных письменных документах эстетическое порождается смеховым началом). *Заповеди*, *Наказы*, *Памятки*, *Советы*, определяя функции, или модели поведения, соответствующие новому семейному статусу людей, так же, как и в предыдущем случае, этим типологически сближаются с величальными (при сохранении принципиального эстетического различия с ними). К корильным песням крестьянской свадьбы типологически близки *Приговоры*, *Обвинительные заключения*, *Талоны (гарантийные, эксплуатационные и др.)*, *Акты*, рисующие смеховые, а порою и гротесковые образы персонажей свадьбы. Внутрисемейные отношения утверждают такие документы, как *Клятвы*, *Пожелания*, *Приказы*.

Функционирование письменных документов в современной свадьбе происходит неравномерно. В основном они концентрируются на первом

и втором дне свадьбы. Так, на этапе «Утро в доме невесты до приезда свадебного поезда» приготавливают и размещают в подъезде по пути следования свадебного поезда различные плакаты, так называемые *Следы* и др. Очень часто диалоги между стороной жениха и девушками (сторона невесты) включают в себя стихотворные тексты, частью сочиненные подругами невесты, частью позаимствованные ими из других свадеб, рукописных сборников, фиксирующих свадебную традицию, и печатных источников - различного рода методических сборников, пособий по организации и проведению современной свадьбы. *«Весь выкуп мы разделили между пятью подружками или шестью, которые принимали участие. Жениха встречала я как свидетельница у двери. Значит, начиналось так, я говорила: „Ой, вы, гости-господа! Долго ли ехали, куда? И каким попутным ветром занесло вас к нам сюда?“»* [г. Ульяновск; Е.В. Савостьянова, 1977 г.р., рассказ о свадьбе 1997 г.].

Но особенно насыщен письменными документами свадебный стол, свадебный пир, завершающий обрядность первого дня свадьбы. Это обусловлено тем, что функционирование традиции на этом этапе определяется уже не только устной народной культурой, но культурой профессиональной, специализированной. Во-первых, в подавляющем большинстве современных свадеб организатором свадебного застолья является тамада. Во-вторых, обрядность современного свадебного застолья - это результат сложного взаимодействия трансформированной свадебной традиционной обрядности предыдущих лет, современной застольной традиции и деятельности органов культуры, в 70-80-е гг. XX в. целенаправленно формировавших и внедряющих в быт новые празднично-обрядовые формы [Батурин, 1980; Заградская, 1980, с. 23-24; Обряд ..., 1981, с. 22-24; Красовская, 1983, с. 23-24; Лейтсаду, 1970, с. 8-11; Шелегис, 1976, с. 4-7].

Все современные ведущие свадебного застолья работают по сценарию, включающему в себя как празднично-развлекательную часть («игровую программу»), так и ритуально-обрядовую (знакомство по-

роднившихся родов, вручение подарков молодым, обозначение нового семейного статуса членов породнившихся семей, порядок подачи блюд и др.), причем эти две стороны органично слиты друге другом. Предварительно общий ход гуляния оговаривается с родителями молодых.

Наличие сценария, однако, не лишает гостей возможности участвовать в проведении застолья (предлагать и проводить свои конкурсы, игры), индивидуально проявлять себя в обрядовых актах и играх, конкурсах, организуемых тамадой.

Как уже отмечалось обозначение модели семейного поведения, соответствующей новому статусу человека, осуществляется через зачитывания и вручения *Заповедей, Наказов, Памяток, Советов*. Но и в этих празднично-игровых, по преимуществу смеховых формах, сохраняется ритуально-обрядовая сторона: *«Потом свидетель со свидетельницей поздравляли. И всё это было в стихотворной форме. Они разделились: свидетельница читала наказ жениху и свекрови со свекром, а свидетель - наказ невесте и теще с тестем»* [г. Ульяновск; Е.В. Савостьянова, 1977 г.р., рассказ о свадьбе 1998 г.].

Новобрачным иногда вручаются медали. Они представляют собой кружочки диаметром от 5 до 15 см из металла, картона или другого плотного материала. К ним может прилагаться специальный «документ», определяющий «права и обязанности награжденных». И рисунки на медалях, и «документ» так же, как и другие письменные материалы современной свадьбы, решены в смеховом ключе.

Очень популярны на современной свадьбе поздравительные телеграммы комического характера. Часто они пишутся на подлинных бланках телеграмм, что в сочетании с нетрадиционными адресными данными и самим текстом еще более усиливает комический эффект.

Второй день свадьбы, в основном, проходит без вмешательства со стороны специальных организаторов. Свадебный стол может быть там же, где был стол первого дня, в доме у родителей молодой или молодого. И в областном центре, и в городах областного подчинения (в том числе

и в селах) этот день остается наиболее насыщенным обрядностью, существующей уже в течение почти полувека и более. Это, в первую очередь, обряды поиска «ярки». испытания молодой, яичница для жениха и некоторые другие. Конечно, и эти обряды совершаются с разной степенью полноты, театрализации. Эротическое начало, определяющее обряд поиски «ярки», в том числе и поэтические тексты, входящие в него (в их число входят и традиционные устно-поэтические тексты — частушки, песни и современные письменные — прозаические, песенные, стихотворные), может приглушаться или наоборот усиливаться в зависимости от социального положения, уровня образования, наличия / отсутствия родственников из деревни на городской свадьбе и др.: «*На второй день свадьбы у нас были шутки-прибаутки. Приехала родственница дальняя из какой-то деревни, пела срамные частушки про ярку. Очень весело было*» [г. Ульяновск; О.В. Деменчикова, 1978 г.р., рассказ о свадьбе 1997 г.].

Отдельно остановимся на документе, получившем наименование *Протокола, или Акта*. Он представляет собой смеховую пародию на документы, которые составляются милицией по поводу краж и других бытовых преступлений, создаются во время судебного производства и проч. Свадебные протоколы зачитываются по завершении свадебного обряда второго дня (в некоторых традициях – третьего), который называется «Поиски пропавшего животного» (на территории Ульяновской области – «Поисков ‘ярки’») [Матлин, 2011, с. 80-91]. Такие документы могли храниться в виде шаблона, в который на свадьбах вносили фамилии реальных участников торжества, что в сочетании с открыто смеховыми фамилиями «официальных» лиц, подписавших *Протокол*, усиливало его общий смеховой эффект. В этих документах продолжали свою жизнь фарсовые формы народной эротической смеховой культуры.

Ниже приводится образец «Протокола», заполненный конкретными фамилиями и именами [р.п. Кузоватово Кузоватовского района Ульяновской области].

«Протокол № 00

от 20 июля 1997 года.

В хозяйстве Федотовых потерялась ярка чёрной масти, коротенькие ножки, сама кроткая. Послушная, очень скромная. Обнаружили её в хозяйстве Игониных, на улице Рабочая, израненную, растрёпанную. Обнаружили 8 ран, 1 рана глубокая. За это несёт ответственность Игонин Игорь Михайлович. Приказываем за нанесенные телесные повреждения возместить ущерб в размере 3 бутылок водки, 1 кг колбасы, 2 помидора и 1 соленого огурца.

Прокурор

Бутылкин

Судья

Закусочкин

Врач

Забулдыжкин».

Тексты, исполняемые на второй день, объединяет эротическое смеховое начало. Однако сам набор текстов, их содержание отнюдь не является унифицированным. Это относится и к содержанию частушек, которые встречаются на большинстве свадеб, и к таким достаточно редким текстам, как комические рассказы, стихи и песни.

Стихотворения, исполняемые на второй день, также отнюдь не являются постоянным элементом обряда, тем более это касается их содержания (за исключением общей эротико-комической направленности).

В целом письменные документы современной свадьбы в городе, частично и в сельской местности, почти полностью вытеснили свадебно-обрядовую поэзию предыдущих эпох, но выполняя порою при этом те же или близкие социально-обрядовые функции и обладая не менее значимыми для участников обряда эстетическими качествами.

Таким образом, письменные тексты, шире – письменность, играли определенную роль в русской народной свадьбе конца XIX в. – начала XX в. При помощи письменной формы осуществлялись сохранение и ретрансляция приговоров дружки, заговоров и молитв, используемых в качестве оберега и, частично, своеобразных амулетов. На свадьбе также могли создавать смеховую имитацию чтения письменного документа,

записи устного текста, пародируя, в частности, такие официальные документы, как паспорт, указ, роспись приданого.

В русской народной свадьбе конца XX века происходит возрождение этой традиции. Круг письменных смеховых документов резко расширяется, в их оформлении начинают широко использоваться правила письменной графики (шрифтовое выделение отдельных фрагментов, слов, букв) и книжного дизайна (рисунки, виньетки, фотографии, в том числе сканированные изображения и т.д.). Но и в конце XX – начале XXI в. сохраняется в качестве обязательного действия зачитывание всех смеховых свадебных документов с последующим вручением их адресату (адресатам).

Заключение

Смеховые жанры русской свадебной обрядовой поэзии изучены гораздо хуже, чем сам обряд и такие его жанры, как свадебные лирические песни и причитания. Во-первых, далеко не все из смеховых вербальных жанров, функционировавших в обряде, описаны и систематизированы. Во-вторых, многие смеховые тексты, не являвшиеся по своей жанровой природе свадебными, но использовавшиеся в обряде, не осмыслены с точки зрения их места и роли в нем. В-третьих, недостаточно выявлена и рассмотрена общая система образов, создававшаяся в этих текстах и принципы их создания. В-четвертых, указанная во многих работах близость смеховых образов, приемов комического в свадебных жанрах другим смеховым жанрам русского фольклора, что естественно ведет нас к единому народному смеховому миру, не стала еще предметом отдельного исследования.

Практически не ведется изучения современных письменных смеховых документов в современной сельской и городской свадьбе.

Принципиально значимо и то, что все эти жанры – устные и письменные – не только один из свадебных кодов, но и органическая часть сложного обрядового театрально-игрового комплекса, в котором акциональное, вербальное, предметное составляют целостное единство.

Именно поэтому автор в данной работе скорее пытался выявить обозначенные проблемы, наметить некоторые возможные подходы к их освоению, чем предлагать готовые решения. Тем более что смех, рождавшийся при помощи указанных жанров, был многолик, выполнял самые разные функции и рождал сложную и пеструю гамму чувств и переживаний.

Источники и принятые сокращения

Архив кафедры литературы УлГПУ им. И.Н. Ульянова

ДФШ, 1996 – 1996 г.; с. Прислониха Карсунского района Ульяновской области; Д.Ф. Шарымова, 1915 г.р.; зап. Н.А. Карпунина.

СВГ, 1989 – 1989 г.; с. Суринск Шигонского района Куйбышевской обл.; С.В. Гашева, 1914 г.р.; зап. С.А. Храмова.

Архив кафедры русской и зарубежной литературы

Марийского государственного университета

ВМН, 1990 – 1990 г.; с. Пектубаево Новоторьяльского района Республики Марий-Эл; В.М. Новосёлова, 1916 г.р.

Архив кафедры русской литературы РПГУ им. А.И.

Герцена

ФИА, 1979 – 1979 г.; д. Бересток Дубровского района Брянской области; Ф.И. Антюхова, 1887 г.р.; зап. Попова, Лужина, Медведева, Старшина.

Литература

Адоньева С. Б. Прагматика фольклора: частушка, заговор, причет (Белозерская традиция XX века): дисс. ... д. филол. н. СПб., 2004. 317 с.

Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб.: Наука, 1993. – 240 с.,

Батурин Н. Пригласите тамаду, если хотите весело сыграть свадьбу // Советская культура. 1980. 14 октября.

Бломквист Е.Э. Свадебные указы Ростовского уезда: (К вопросу об отражении сюжетов лубочных картинок в современном крестьянском быту) // Художественный фольклор. Вып. II-III. М, 1927. С. 103-111.

Богатырев П. Г. Народная песня с точки зрения её функций / Пер. с фр. / П. Г. Богатырев // Вопросы литературы и фольклора: сборник статей / Мин-во высшего и среднего специального образования РСФСР; науч. ред.: С. Г. Лазутин. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1973. – С. 200-211.

Богатырев П. Г. Функционально-структуральный метод и другие методы этнографии и фольклористики // Богатырев П. Г. Функционально-

структуральное изучение фольклора (малоизвестные и неопубликованные работы) / сост., вступ. статья и комментарии С. П. Сорокиной. М.: ИМЛИ РАН, 2006. С. 144-155.

Богданов К. А. Фольклорная действительность: Традиция, метод, перспективы изучения // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2001. Т. XXXI. С. 42-66.

Валенцова М.М., Седакова И.И. Первый-Последний // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2004. Т. 3. К (Круг) - П (Перепелка). С. 674-679.

Великорусские народные песни: в 7 т. / Изд. проф. А. И. Соболевским [при участии П. Н. Шеффера]. — Т. III. — СПб.: Гос. тип., 1897. — XVI. — 512 с. С. 353-354.

Власова Г.И. Смеховой мир корильных песен // II Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». Москва, 18—21 марта 2004 г. Труды и материалы. М.: МГУ, 2004. Цит. по: Секция XXIII. Русский фольклор // <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/sections/sections.php?id=23>.

Власова З.И. Скоморохи и фольклор. СПб.: Алетейя, 2001. 524 с.

Гринкова Н.П. Старая и новая свадьба в Ржевском уезде Тверской губернии: (Из материалов Верхне-Волжской экспедиции Российской академии истории материальной культуры // Ржевский край. Вып. 1. Ржев, 1927. С. 98-142.

Гуржий Т.Г. Типологические взаимосвязи персонажей волшебной сказки и свадебных чинов (помощника и дружки) // Атриум. Серия Филология. 1999. № 1. С.26-33.

Дианова Т. Б., Ковпик В. А., Чеканова А. В. Письменные формы фольклора (предварительная классификация и рекомендации по сборанию) // Актуальные проблемы полевой фольклористики: сб. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Филол. фак., Каф. рус. уст. нар. творчества; редкол.: А. А. Иванова (отв. ред.) и др. М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 196-205.

Добровольский В.Н. Свадебный обряд в Калужской губернии // Живая старина. Вып. 2. 1902. С.214-236.

Дранникова Н.В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре: функциональность, жанровая система, этнопоэтика: дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.09. Архангельск, 2005. 379 с.

Заградская С. Свадьбе - сценарий? // Клуб и художественная самодеятельность. 1980. № 14. С. 23-24.

Зеленин Д.К. Свадебные приговоры Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1904 год. Вятка, 1904. С. 173-208.

Красовская Ю. «Ох, эта свадьба пела и плясала...» // Клуб и художественная самодеятельность. 1983. № 14. С. 23-24.

Крашенинникова Ю.А. Свадебные приговоры дружки: Структурно-семантический, функциональный аспекты жанра: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.09. Ижевск, 2003. 23 с.

Круглов Ю.Г. Русские свадебные песни: Учеб. Пособие для пед. ин-тов. М.: Высшая школа, 1978. 215 с.

Круглов Ю.Г. Свадебные приговоры как жанр // Жанровая специфика фольклора: Межвузовский сб. науч. тр. М.: МОПИ, 1984. С. 74-95.

Круглов Ю.Г. Свадебные приговоры как многофункциональное явление русского фольклора // Полифункциональность фольклора. Новосибирск, 1983. С. 3-19.

Кузнецов А. Свадебные приговоры дружки по рукописи половины XIX столетия // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1902. Т. LXXII. № 5. С. 1-27.

Лащенко С.К. Заклятие смехом: Опыт истолкования языческих ритуальных традиций восточных славян. – М.: Ладомир, 2006. – 316 с.

Лейтсаду И. Тамада на свадьбе // Культурно-просветительская работа. 1970. № 3. С. 8-11.

Лозинський Й.І. Українське весілля / Опрацюв. тексту, упорядк. і вступна стаття Р. Ф. Кирчіва. Кієв: Наукова думка, 1992. 176 с.

Макаров М. Л. Основы теории дискурса: монография. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.

Матлин М.Г. Обряд «Поиски пропавшего животного» в русской традиционной свадьбе XIX-XX вв.: (к вопросу о формировании и развитии традиции) // Традиционная культура. – 2011. – № 3. – С. 80-91.

Матлин М.Г. Свадебный обряд посещения водного источника в русской и мордовской свадебной традиции Ульяновской области // Гуманитарные науки и образование. – 2013. – № 2(14) (апрель-июнь). – С. 89-94.

Матлин М.Г. Смеховые театральные-игровые формы в русской традиционной свадьбе XIX-XX вв. М.: Изд-во «Звезда и Крест», 2013. 180 с.

Мореева А.К. Традиционные формулы в приговорах свадебных дружек // Художественный фольклор. Вып. 2-3. М., 1927. С. 112-129.

Неклюдов С. Ю. Фольклор современного города // Современный городской фольклор: сб. ст. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т высш. гуманитар. исслед.; редкол.: А. Ф. Белоусов и др. М.: РГГУ, 2003. С. 5-21.

Обряд, каким ему быть сегодня? // Культурно-просветительская работа. 1981. № 7. С. 22-24.

Олешков М. Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект. I [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/oleshkov-06.htm> (дата обращения: 17.06.2015)

Ончуков Н. Е. Свадебная сказка // Живая старина. 1908. Вып. 2. С. 261-264.

Осипов Н.О. Ритуал сибирской свадьбы // Живая старина. Вып. 1. Год третий. 1893. С. 96-114.

Панченко А.М. Смех как зрелище // «Смеховой мир» Древней Руси. Л.: Наука, 1976. 204 с.

Переславское Залесье. Фольклорное-этнографическое собрание С. Е. Елховского. Вып. 1 / Отв. редактор С. С. Савоскул. – М.: Индрик, 2011. – 456 с., ил. (Традиционная духовная культура славян. Публикация текстов.)

Петербургские балаганные прибаутки, записанные В.И. Кельсиевым // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и проч.) / Под. ред. чл. Отдела этнографии Н. Харузина. Вып. I. М.: Тип. А. Левенсон, 1889. С. 309-323.

Поздеев В.А. Приговоры дружки в структуре севернорусского свадебного обряда // Жанровая специфика фольклора: Межвузовский сб. науч. тр. М.: МОПИ, 1984. С. 60-74.

Поздеев В.А. Реально-исторические корни “свадебных указов” // Малые жанры в русской и современной литературе: Межвуз. сб. науч. тр. Киров, 1986. С.15-24.

Поздеев В.А. Традиционные основы жанров свадебной поэзии: (на материале севернорусских записей): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09. М., 1987. – 14 с.

Русская демократическая сатира XVII века / подг. текстов, статья и коммент. члена-корр. АН СССР В. П. Андрияновой-Перетц. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 290 с.

Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / сост., подг. текстов, статьи и коммент. А. Л. Топоркова. М.: Индрик, 2010. 832 с.

Русский эротический фольклор: Песня. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки / Составление и научное редактирование А. Топоркова. М.: Ладомир, 1995. 640 с. (Русская потаенная литература).

Свадебные приговоры Вилегодского района Архангельской области в рукописной и устной традиции XX в. (исследования и тексты) / Уральское отд-ние РАН, Ин-т языка, литературы и истории, Коми науч. центр; сост., вступит. статья и коммент. Ю. А. Крашенинниковой. Сыктывкар, 2009. 160 с.

Смирнов М.И. Село Большая Брембола // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Книга IX. Владимир: Тип. Губернского правления, 1907. С. 1-110 (отдельная пагинация).

Соболева Н. В. Типология и локальная специфика русских сатирических сказок Сибири / АН СССР. Сиб. отд-ние. Бурят. фил. Бурят. ин-т обществ. наук; Отв. ред. Т. Г. Леонова. – Новосибирск: Наука, 1984. – 172 с.

Сорокин Г. Свадьбы и свадебные песни у малороссов и великороссов м. Дмитровка Александрийского у. (Херсонской губ.). – Киев, 1891. – 54 с.

Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Ленинград : Наука. ЛО, 1979. 437 с.

Сумцов Н.Ф. Разыскания в области анекдотической литературы. Анекдоты о глупцах. Харьков: Тип. Губернского правления, 1898. 200 с.

Торопова А. В. К вопросу о жанровой классификации свадебного фольклора // Фольклор и этнография: обряды и обрядовый фольклор / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; отв. ред. Б. Н. Путилов. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. С. 155-161.

Торопова А.В. Наговор дружки в поэтической системе свадебного фольклора: автореф. дисс. на соиск... канд. филол. наук. Л., 1975. 24 с.

Торопова А.В. Наговоры дружки (к вопросу о жанровой природе

свадебной прозы) // Проблемы теории и истории литературы: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 36. Ярославль, 1973. С.85-98.

Успенский Б.А. Избранные труды: Т.2. Язык и культура. И.: Гнозис, 1994. 688 с.

Федорова Т.Ю. Комическое и средства его выражения в свадебных приговорах // Семантика языковых единиц. Материалы 3-й межвуз. науч.-исслед. конф. / [Редкол.: Е.И. Диброва (отв. ред.) и др.]. - М., 1992. С. 109-113.

Федорова Т.Ю. Русские свадебные приговоры: (Поэтика жанра): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09. М., 1994. – 21 с.

Фольклорный театр / Сост., вступ. статья, предисл. К текстам и коммент. А.Ф. Некрыловой и Н.И. Савушкиной. М.: Современник, 1988. 476 с. с. 58-59. (Классическая библиотека «Современника»).

Черная Л. А. Игровые элементы пародийных текстов в русской культуре XVII века // Человек смеющийся: сб. науч. ст. / Мин-во культуры РФ, Гос. республик. центр русского фольклора; сост. А. С. Каргин и др.; редкол.: А. С. Каргин (отв. ред.) и др. М.: Гос. республик. центр русского фольклора, 2008. С. 182-199.

Чубинский П. П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной Императорским Русским Географическим обществом. Юго-Западный отдел: Материалы и исследования: в 7-ми т. СПб.: Тип. Киришбаума, 1877. Том 4. Обряды: родины, крестины, свадьба, похороны. 713+45 с.

Шевченко Е.А. Свадебный обряд Лузского района Кировской области: (функциональные аспекты поэтических жанров): монография. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского гос. ун-та, 2010. 288 с.

Шевченко Е.А. Свадебный обряд Лузского района Кировской области: (функциональные аспекты поэтических жанров): Дисс. ...канд. филол. наук: 10.01.09. Санкт-Петербург, 2011. 294 с.

Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края: в 3-х т. СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1902. Т. III. 535 с. (Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. LXXII. № 4. Отд. 2).

Шейн П.В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Том I. Выпуск 1. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1898. I-XXVII+376.

Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского

населения Северо-Западного края. Т. I. Ч. 2. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1890. – С. I-XXVI+1-708.

Шелегис Л. В ногу со временем // Наука и религия. 1976. № 9. С. 4-7.

Элиаш Н.М. Свадебные величальные и корильные песни // Ученые записки Старо-Оскол. гос. пед. ин-та; редкол.: П.Т. Антонченков [и др.]. Старый Оскол, 1957. Вып.1. С. 21-38.

Юдин Ю.И. Дурак, шут, вор и черт: (Исторические корни бытовой сказки) / Составление, научная: редакция, примечания, библиографический указатель В.Ф. Шевченко. – М.: Лабиринт, 2006, – 336 с.

Юрлов В.П. Этнографические материалы: Заученный разговор крестьянских балагуров на свадьбе и рацея дружки // Материалы для истории и статистики Симбирской губернии. Вып. четвертый. Симбирск, 1867. С. 98-101.

Приложение.

Образцы свадебных документов

Информативные документы

Плакат на двери

«Эту дверь открыть труднее,
Может, повернешь назад?
Выкуп нужен здесь побольше,
За столом сидит алмаз».

Поздравительные документы

Телеграммы

Норма для Вас только десять детишек
Чтоб вышли из них: инженеры, артисты,
писатель, профессор и три футболиста.
А коль космонавта еще захотите,
Еще одного в магазине купите.

Заведующая дет.садом.

* * *

Поздравляем молодых с законным браком! Присваиваем жене квалификацию повара, а мужу — дегустатора.

Министр пищевой промышленности.

* * *

Желаем Вам провести свой медовый месяц сладко!

Общество пчеловодов.

* * *

Пусть будет союз Ваш крепок и дружен,
Сердца согревая любовью большой —
Будь ты, Володя, самым заботливым мужем,
Будь ты, Лена, самой верной женой.
И пусть в сердцах любви не гаснет жар
Но не устраивайте в доме нам пожар!

Пожарное общество.

* * *

Володя и Лена! Сообщаем Вам, что в связи с переполнением плана в ближайшие 50 лет заявки о разводе не принимаются!

Нарсуд.

(Зачитано на свадьбе в Ульяновске 06.07.98г.)

Диплом

Диплом

настоящий выдан *Ирине (Ларисе)* (вписано карандашом)
и *Виталию (Евгению)* (вписано карандашом)
в том, что они действительно
окончили институт любовных
отношений и при отличном
поведении обнаружили следующие
знания:

любовь	<u>пламенная</u>
объятия	<u>жаркие</u>
поцелуи	<u>нежные</u>
верность	<u>постоянная</u>
отношение к друзьям	<u>верные</u>
отношение к родителям	<u>нежное</u>

Решением государств.
комиссии им
присвоено звание
ему муж
ей жена

члены комиссии

Вера
Надежда
Любовь

(Документ принадлежит Э.Б. Аблаевой, 1948 г.р., проживающей в Ульяновске. Используется ею на свадьбах родных и близких.)

ДИПЛОМ № 2 серия "С"

№ 2 серия "С" (свадебный)

свадебный

Настоящий диплом выдан
Разенковой Татьяне Петровне
в том, что она успешно
закончил
полный курс института
"Девичьи грезы" на факультете
"Ожидание счастья"
и обнаружила при отличном
поведении следующие знания:

1. Практические занятия «Утренний туалет перед зеркалом»	5
2. Курсовая работа «Торт для любимого»	5
3. Теоретические занятия «Прогулки под луной»	5
4. Динамика и статика «Стирки белья»	5
5. Теория и практика «В объятиях жениха»	
6. Физкультура «Бег по магазинам»	5
7. Совместная жизнь — неаттестована	

Решением свадебной комиссии от 16.08.85
присвоено звание «жена» и выдан диплом на
долгие годы совместной жизни

Удостоверение

УДОСТОВЕРЕНИЕ
Серия ОХ-ОХ

Выдано _____ в том, что постоянным обществом по рассмотрению родственных связей и семейных отношений ей присвоено звание СВЕКРОВИ с вручением настоящего удостоверения.

Председатель
Секретарь

Наставление

Наставление жене

1. Будь ласковой, как кошка, но хитрой, как лиса.
2. Помни: что путь к сердцу мужчины лежит через желудок
3. Муж не сапог — не сбросишь с ног.
4. Ставь мужу зелье да покрепче, чтобы он в пьяном виде говорил всё, что думает о тебе в трезвом состоянии.
5. Будь приветлива и оптимистична. Учти, что пессимизм отталкивает людей, а муж — тоже человек.
6. Избегай присутствие мужа при покупке нарядов. Он не должен знать истинную цену вещей — это сохранит его нервную систему от уличных потрясений.

Указ

УКАЗ
комитета по делам любви и женитбы

В связи с бесстрашным вступлением в брак и добровольным отказом от свободы и независимости, а также желанием связать себя семейными узами раз и навсегда и взаимными обещаниями оставаться верными друг другу на всю жизнь, Комитет по делам любви и женитбы постановляет:

- закрепить вступление в брак ..... и ..... на хмельном пиру;
- присвоить ... фамилию ... и титул «*Молодая жена-хранительница очага*»;
- присвоить ... титул «*Муж*», оставив фамилию без изменений;
- всё движимое и недвижимое имущество с ... .. года объединить и использовать как общее;
- день ... утвердить Днем свадьбы, праздновать его ежегодно в широком кругу друзей, близких и родных;
- молодой семье жить-поживать да добра наживать.

Председатель комитета:
Сердечкин

Секретарь:
Поцелуйчиков

Наказ

Олег, Фирдания.

Сие послание издалека
Из старины седой, глубокой.
Советы мудрые родным
И пожелания молодым.
Тебе, жених, наказ такой:
Люби жену, храни покой.
Ты добрым будь, заботлив, строг.
А что сказал, всё сделай в срок.
А Фаю не ругай напрасно,
И будет всё у вас прекрасно.
Тебе, невеста, сказ другой.
Всегда следи ты за собой.
Чтоб ты всегда была опрятна,
Скромна, приветлива, приятна.
Чтоб полюбила ты свекровь.
Ведь твой любимый — та же кровь!
И чтобы помнила добро,
Не вспоминала бы ты зло.

Родные и друзья. 1.08. 1986 г.

Заповедь

Что добыто трудом, то и дорого!
На деньгу никогда не будьте жадными.
Но копейкой трудовой дорожите всегда,
И как вместе ее заработали
Так же вместе разумно ее и расходуйте!
Относитесь к родным уважительно,
Друзей цените верных и правдивых,
К людям будьте доброжелательны!
Заводите детей, не откладывая:
Дети в молодости — радость,
А в старости — утешение.
Берегите всегда честь семьи своей,
Фамилию свою носите с гордостью.

(Зачитано на свадьбе в р/п Сурское в 1997 г.)

Клятва

КЛЯТВА

Я, Морозова Наталья Викторовна, перед лицом собравшихся гостей торжественно обещаю:

1. С честью носить фамилию мужа Филиппова. Любить и беречь своего мужа пуще глаза. Быть другом и опорой во всех его деяниях —
КЛЯНУСЬ!
2. Чтобы муж мой не похудел — кормить его ежедневно (не реже одного раза в сутки) помня, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок —
КЛЯНУСЬ!
3. Строго следить за внешним видом супруга, ибо чистая рубашка, пришитая пуговица — заветная мечта каждого женатого мужчины —
КЛЯНУСЬ!
4. Не царапать и не кусать его, и вообще не обижать, ибо мужчина (даже женатый) тоже человек —
КЛЯНУСЬ!
5. Не ревновать мужа, так как обвинение в несуществующих грехах может навести на мысль «запретный плод — сладок» —
КЛЯНУСЬ!
6. Быть приветливой хозяйкой, не забывать друзей, водить хлеб-соль со всеми родными, знакомыми и близкими —
КЛЯНУСЬ!

17 июня 1995 года

Указ

УКАЗ

Сего дня произведено бракосочетание

Поздравляю вас, дорогие молодожены, желаю огромного супружеского счастья!

Пусть ваш жизненный путь не знает бед и тревог!

Совет вам да любовь — на этом семья стоит.

Живите в мире и согласии, не перечьте друг другу в семейных делах и упаси вас Бог от ссор семейных, ибо в домашней войне сердца бьются быстрее, чем посуда.

Молодушка! А тебе век прожить, с мужем дружить.

И беречь его надо, и любить.

И что сыт он был, и обут он был.

И чтоб спать он ложился к стеночке:

Так-то оно лучше — не упадет и не сбежит.

А ты, добрый молодец, ее благоверный,

Люби детей своих и не рычи на них, яко зверь дикий,

Ибо ни одна власть грубой силой не держится.

Не давай жене своей любимой без дела сидеть,

Не то станет сварливой и ворчливой,

И не видать тебе спокойной жизни, как ушей своих,

А ночевать ты будешь не на ложе супружеском, а на лавке деревянной.

Да пошлет вам Бог трех сыновей и трех дочерей,

И чтоб выросли из них люди добрые,

И гордились бы вы ими до старости.

По случаю рождения новой семьи произвести салют шампанской шрапнелью

С умеренным потреблением

На доброе здоровье молодых

Молодоженам своими умелыми действиями обеспечить, чтобы всё горькое

Стало сладким!

Горько!

Кодекс

КОДЕКС (для жены)

Уважай и ты супруга
Будь с ним ласкова, мила
Не жужжи как муха в ухо
Иль как старая пила

Сделай комнату уютней
Чтобы муж, придя домой
Был доволен обстановкой
И тобой

Мужа встретить всегда с улыбкой
Нежно голову погладь
Если муж немного выпил
Уложи скорее спать

Но не будь совсем простушкой
Если муж начал ловчить
Надо вовремя снять стружку
Контрогайки подкрутить

И не делай это разом
И не фразою пустой
А примером и показом
Или схваткой боевой

КОДЕКС (для мужа)

Чтобы месяц свой медовый
Сделать долгим лет на пять
Кодекс несколько суровый
Надо строго выполнять

Уважай свою супругу
Даже в гневе не груби
Согревай в пургу и вьюгу
От суглазу береги

Проявляй о ней заботу
И слегка ее балуй
Отправляясь на работу
Непреренно поцелуй

И приходи домой скорее
Обними и приласкай
Чем ты будешь с ней нежнее
Крепче тем семейный рай

Если ты устал, натружен
Не брежжи и не стони
Приготовь вначале ужин
А затем уж отдохни

Хочешь быть главой семейной
Штопай, шей, вари, стирай
Разбирайся в мясе, тесте
И учиться успевай

Мой полы, читай газеты
Не кури, не выпивай
И всегда умело, свято
Данный кодекс выполняй

Описательные документы

Эксплуатационный паспорт

Эксплуатационный паспорт на жениха	
Исакова Вячеслава Александровича.	
Наименование: жених стандартный	
Технич. данные: рост — высокий, волосы — красивые, глаза — задумчивые, t в норме — 36,6° С, в состоянии влюбленности — 39° С, голова — одна, руки — 2, ноги — 2, запчастей нет.	
Назначение: муж предназначен для несения семейной нагрузки, допускается работа на мах оборотах, как-то	
1. хождение по магазинам	
2. стирка белья	
3. варка обеда	
4. выяснение отношений с тещей и женой в дни получения	
Возможные неисправности и методы устранения:	
1. муж долго не приходит с работы — навести справки у начальства	
2. муж заглядывает, куда ни надо — провести очистку внеш. и внут. Подключить запасное калорийное питание	
Примечания: наращивать нагрузку надо постепенно, применяя при этом такие средства, как ласка, нежность, любовь.	
Фирма "Семья и роза" 8.08.92 г. Ульяновск	

Паспорт гарантийный

ГАРАНТИЙНЫЙ ПАСПОРТ НЕВЕСТЫ	
ФИО	Яндола Елена Станиславовна
Дата	
Изготовления	10 октября 1980 г.
Назначение	— продолжение рода человеческого
ТЕХНИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ:	
1.Рост — в зависимости от каблук	
2.Вес — в зависимости от того, что есть и сколько ест	
3.Цвет волос — может меняться от яркой блондинки до брюнетки и доходить до фиолетового при желании мужа	
4.Глаза — лукавые	
5.Речь — рассудительная	
6.Голос — трепетный, нежный	
Категорически запрещается:	
— запереть в четырех стенах	
— молчать о своей любви	
— держать в неведении и тревоге	
ПРИ ПРАВИЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ ФИРМА ГАРАНТИРУЕТ мужу ОТЛИЧНЫЕ КАЧЕСТВА жены:	
— красоту	
— доброту	
— веселый нрав	
— любовь к мужу	
УКАЗАНИЯ ПО ТЕХНИКЕ БЕЗОПАСНОСТИ:	
Предохранять от грубых слов, невнимания и тяжелой работы	
Настраивать — поцелуями, ласковыми словами и большой зарплатой	
Присвоен знак качества.	
(Зачитано на свадьбе во время свадебного обеда тамадой в 1999 году)	

Акт передачи

Акт передачи невесты жениху

Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт в том, что прекрасная Елена может стать любимой женой Сергея.

На основании данного заключения совершается акт передачи в эксплуатацию в качестве жены.

Укомплектованность невесты предлагается жениху изучить самостоятельно.

В рабочем состоянии невеста может:

1. Печь блины
2. Варить кашу
3. Пришивать пуговицы

Эксплуатационные данные:

- температура — комнатная
- влажность — средняя
- режим работы — легкий

Способ применения:

- для украшения
- расходования денег
- выслушивания комплиментов

Остальное выяснить в процессе эксплуатации.

Сдал по акту:

свидетель _____

Принял:

жених _____

Испытательные документы

Ромашка

«Следующее задание: на столе лежат сердечки (красные из цветной бумаги), либо лежит бумажная ромашка. На них написана либо дата, например, 30 апреля, либо число, например, 18, либо год, например, 1979, либо дата + год, например, 30 апреля 1979 г. (на перевернутых вниз надписью лепестках или сердечках). И жених выбирает сердечко (лепесток), переворачивает и отгадывает, что означает эта дата или число (день рождения, знакомства, размер и т.д.). За каждую ошибку - определенный штраф. Задания выполняются пока, не останется ни одного лепестка или сердечка. Здесь подружки иногда разрешают невесте подсказать: «Ну, подскажи уж ему эту дату». Может быть и так: у подружки невесты листочек с загаданными числами, датами, и она просто спрашивает жениха о них» [1997 г.; г. Ульяновск; А.В. Трофимова].

Обвинительные документ

Заявление

В Заволжский народный
Суд от жителя р-на
ул. Авиастроителей д. 33 кв. 336
от Перепрыжкина Евлампия Прыговича
и Есии Никундиновны

Заявление.

Прошу Вас разобрать мое заявление. В моем личном хозяйстве пропала ярка белой масти. Прошу ее разыскать и вернуть вновь в мое хозяйство.

25.4.98 г.
(Текст составлен Булановой Верой Павловной, 1953 г.р., родилась в Сенг. р-не У. обл., образование среднеспециальное, примерно с 1976 года проживает в г. Ульяновске, работает на водохранилище. Текста зачитала на 2-ой день свадьбы.)

Акт

Акт
от 25 апреля 1998 г.
г. Ульяновск

Мы, нижеподписавшиеся, вновь собравшиеся, еще не опохмелявшиеся, в составе комиссии: Моздина, Вислоухова, Моталкина составили акт о том, что в хозяйстве Евлампия Прыговича и Есии Никундиновны действительно случилась беда. Пропала ярка молода, каракулевой породы русого цвета. Свидетели: Моздин, Вислоухов, Моталкин доказывают, что она ростом 1 м 63 см 3 мм, вес 46 кг 300 гр., упитанность ниже среднего, что около молодой ярки был баран грубошерстной породы, рост 1 м 85 см 10 мм, вес 80 кг 110 гр., ниже пупка прирост 999 г, упитанность выше среднего. А на другой день свидетели доказывают, что ярка стала неузнаваема, каракуль помят. Пришли к решению:

1. Баран увел ярку по взаимному согласию.
2. Евлампию Прыговичу и Есии Никундиновне уголовного дела на барана не заводить.

Свидетели.

(Текст составлен Булановой Верой Павловной, 1953 г.р., уроженкой Ульяновской обл., среднеспециальное, примерно с 1976 года проживает в г. Ульяновск, работает на водохранилище. Текста зачитала на 2-ой день свадьбы.)

Обвинительное заключение

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обвинительно заключение народного суда ... по делу любви гражданки ... (имя) и гражданина ...

Обвиняемый, встаньте!

Вы обвиняетесь в том, что за (число свадьбы) посягнули на свободу и независимость слабой и прекрасной половины рода человеческого.

Следствием установлено: гражданин ... уговаривал гражданку ... связать с ним свободу цепями брака, когда хорошее дело браком не назовешь. При этом известно: гражданин ... использовал следующие провокационные приемы:

1. нащепывал ласковые слова
2. вздыхал в темноте
3. оббивал пороги, обтирал пыль

Общественность неоднократно указывала, что это до добра не доведет. Слабая и нежная натура гражданки ... не смогла достаточно долго сопротивляться. В результате чего у нее за последнее время наблюдались признаки, говорящие о серьезном нарушении нервной системы: сияющие глаза, исчезающая улыбка, завал в работе. Обвиняемый, признаете себя виновным? Что скажете в свое оправдание?

||

Потерпевшая, встаньте!

Узнаете обвиняемого?.. Суду всё ясно. Но вместо того, чтобы спокойно переносить все домогательства гражданина ... вы всячески поощряли его, даря ему нежные взгляды, воздушные поцелуи. А когда гражданин ... предложил вам руку и сердце, вы согласились. И вот видите граждане, к чему всё это привело: к скамье «новобрачных» при свидетелях.

Именем РСФСР и согласно соответствующей статье семейного кодекса гражданина ... и гражданку ... приговорить:

1. Жениху накладывается заключение на всю жизнь под каблук жены

Жена должна вернуть обществу нормального полноценного человека, а также возместить за амортизацию основных фондов не менее трех сынов. Мужу и жене на своих плечах пронести через всю жизнь достойно тяготы и невзгоды, а также радости. И если сейчас от вас не будет «горько», в противном случае не ждите от нас сладко. Свидетелям взять их под охрану.

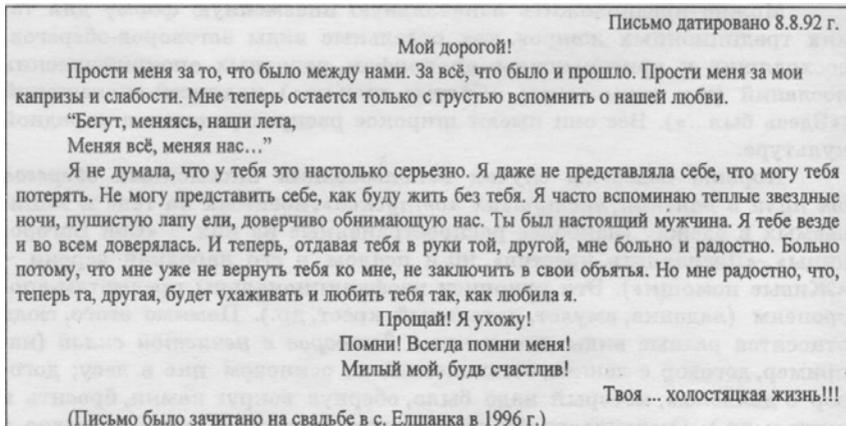
Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Горько! Горько! Горько!

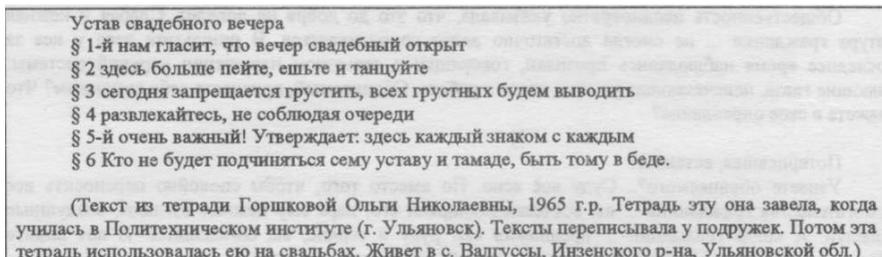
(Текст из тетради Горшковой Ольги Николаевны, 1965 г.р. Тетрадь эту она завела, когда училась в Политехническом институте (г. Ульяновск). Тексты переписывала у подружек. Потом эта тетрадь использовалась ею на свадьбах. Живет в с. Валгессы Инзенского р-на Ульяновской обл.)

Отдельные документы

Письмо от холостяцкой жизни

Устав свадебного вечера

Содержание

Введение.....	3
Устные смеховые свадебные тексты	
Корильные песни	
Приговоры дружки	
Образ «дурочки»	
Письменные смеховые свадебные тексты	
Письменные смеховые тексты XIX – начала XX вв.	
Письменные смеховые тексты конца XX – начала XXI вв.	
Заключение.....	
Литература.....	
Источники и принятые сокращения	
Приложение	

Министерство образования и науки РФ
ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический
университет имени И.Н. Ульянова»
Научно-образовательный центр «Традиционная культура
и фольклор Ульяновского Поволжья им. Д.Н. Садовникова»

Научное издание.

Матлин М. Г.

С 50 Смеховые устные и письменные жанры в русской
народной свадьбе XIX – начала XXI вв. – Ульяновск :
Изд-во ФГБОУ ВПО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 2015.–
76 с.

Подписано к печати с оригинала-макета.
Формат 60x84/16 Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 4,4. Тираж 300 экз.. Заказ № ??????
Отпечатано в типографии АртБюро
432700, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 11а.
Тел.: (8422) 42-12-83, e-mail: art_simbirsk@mail.ru/